ПИОНЕР

ОКТЯБРЬ

Издательство „Правда". 1949 г.

10

№ 10
ОКТЯБРЬ
1949 г.

ПИОНЕР

*Ежемесячный детский журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ*

ВСЕГДА ГОТОВ

Фото В. Мальмберг

Три года назад на этом месте был унылый, заросший травой пустырь. А теперь ряды щетинистых сосенок вперемежку с маленькими липами и осинами, кустиками орешника и бузины покрывают его. От ветра колышутся стройные, выше других деревьев поднявшиеся американские клёны.

Это «Пионерский» лес. Его посадили пионеры посёлка Чоботово, Московской области, осенью 1946 года. И вот через три года ребята увидели результаты своего кропотливого труда: все 90 тысяч саженцев разных деревьев укоренились и хорошо растут.

Пройдёт несколько лет, и эти маленькие деревца и кустики превратятся в большой тенистый лес. В нём появятся грибы и ягоды, поселятся звери и птицы. И люди, отдыхая в этом лесу, с благодарностью будут говорить о ребятах, посадивших его.

Ребята Чоботовской школы и теперь часто бывают в своём лесу. На этом снимке вы видите Володю Силаева. Он пришёл посмотреть, хорошо ли растут молодые деревца.

ВСТРЕЧА ДРУЗЕЙ МИРА

Лев Ошанин

Над Будапештом всех народов флаги.
В дни смотра дружбы, в дни больших надежд
Он полон молодости и отваги —
Сверкающий огнями Будапешт.

И песни тех, кто вместе запевали,
Рукопожатья дружбы молодой
С костров под ясным небом фестиваля
Все делегаты унесут с собой.

Повсюду, от Чикаго до Каира,
Во все концы земли, в любую даль
Непримиримый, властный голос мира
С друзьями посылает фестиваль.

И враг остановить его не сможет,
Не оборвет его, не запретит!
Словами гордой клятвы молодёжи
Ещё раз он всю землю облетит.

И так же, как на этом фестивале,
Куда бы делегаты ни пришли,
Паролем мира будет слово «Сталин»,
Звучащее во всех краях земли.

Август, город Будапешт.

Это памятник советским воинам, погибшим в боях за освобождение Будапешта. К нему в дни фестиваля приходили делегации прогрессивной молодёжи всех стран и клялись бороться за мир, за дружбу с Советским Союзом.

В защиту мира

Майя Плисецкая,
солистка балета, участница Международного фестиваля молодёжи

К Международному фестивалю демократической молодёжи и студентов мы готовились долго. Наконец наступил день отъезда. Под звуки международного гимна молодёжи и напутственные возгласы провожавших нас друзей наш поезд медленно отошёл с московского вокзала.

Поезд шёл на запад... Вот и венгерская граница. Но мы не чувствовали себя на чужбине. На больших и малых станциях нас встречали радостно взволнованные люди, они восторженно приветствовали нас и забрасывали цветами.

Часто на остановках венгерские женщины подходили к нам, произносили слова: «русски», «советски», «Сталин» — и тепло пожимали нам руки.

Мы останавливались почти каждые полчаса. На больших станциях стихийно возникали митинги. Всюду флаги, знамёна, лозунги, цветы. Всюду искренняя радость и любовь к советским людям.

Вот и Будапешт. Нас встречал буквально весь город. По разостланным коврам мы прошли на

площадь, там нас окружили приехавшие раньше делегации: китайцы, негры, испанцы, французы. Нам жали руки, обнимали, многие плакали.

На машинах мы поехали в гостиницу. Все улицы и дома, по которым мы проезжали, были празднично украшены красными полотнищами, цветами, транспарантами с лозунгами, призывающими к единству, к борьбе за мир, против поджигателей войны, со здравицами в честь социализма, в честь великого Сталина, в честь Ракоши.

Делегаты разных стран быстро сдружились между собой на фестивале. Вот идут члены советской делегации — русская девушка и юноша, ученик ремесленного училища — под руку с молодым чешским рабочим и делегатом из Западной Африки.

Будапешт очень красив, но во многих местах ещё видны следы разрушений, нанесённых гитлеровскими захватчиками. Мы проехали мимо развалин старинного королевского замка. Сколько прекрасных зданий и скульптур превратили в прах эти варвары! Затем мы проехали мимо необычайно красивого «Парка Маргариты» с огромными, двухсотлетними деревьями. Казалось, ему нет конца. Как хорошо, что он сохранился для народа!

К гостинице «Геллерт», которая расположена на горе того же названия, мы подъезжали уже в сумерки. Перед нами открылось поразительное зрелище. Вершина горы осветилась огнями, бросавшими яркий свет на колоссальную статую женщины, поднявшей высоко над головой ветвь мира. У подножья статуи стояли скульптуры воинов с факелами в руках. Это памятник воинам Советской Армии, погибшим в борьбе за освобождение Будапешта.

В дни фестиваля памятник стал местом паломничества делегаций молодёжи всех стран. С утра до вечера сюда приходили группы делегатов и возлагали на него венки и цветы. У этого памятника клялись они никогда не поднимать оружия против Страны Советов — оплота мира во всём мире.

Мы встретились у памятника с большой группой делегатов Америки и Англии. Оркестр исполнил американский, английский и советский гимны и «Интернационал». Среди американцев я заметила группу негров в огромных соломенных шляпах синего цвета, с крупными белыми горошинами. Один из американцев громко сказал:

— Пусть беснуются поджигатели войны. Мы навеки и всем сердцем с советскими людьми, со страной социализма. Прогрессивная молодёжь Америки никогда не будет воевать против них.

14 августа открылся фестиваль. Проводились спортивные соревнования, демонстрировались кинофильмы разных стран, давались концерты. В этот день в Государственной опере состоялся и первый концерт советской делегации.

Успех советских спортсменов и артистов был огромный. Каждый из нас понимал и чувствовал, что своими выступлениями мы рассказываем миру о достижениях социалистического строя, о росте советской культуры, рассказываем правду о Советском Союзе. И мы с радостью ощущали, что молодёжь всех национальностей, перед ко-

Хореографический ансамбль молодёжи Китая пользовался большим успехом на фестивале. Он получил один из четырёх Больших призов фестиваля, так называемый приз «Гран при». Вы видите на снимке танцоров этого ансамбля, исполняющих национальный танец.

торой мы выступали, правильно оценила и поняла наши выступления. Это был не наш личный успех, а успех нашей Родины, успех социализма, поднявшего культуру нашей страны на огромную высоту. Овации в честь советских артистов сопровождались возгласами: «Да здравствует Советский Союз!», «Слава комсомолу!», «Да здравствует Великий Сталин!».

После концерта нам не раз говорили юноши и девушки: «Мы раньше не представляли себе достижения советской культуры, но теперь мы знаем, что это самая высокая культура в мире».

Молодёжь Венгрии гостеприимно встречала участников фестиваля. Вот встретились ученики ремесленных училищ и венгерские пионерки. В знак дружбы они обменялись своими значками.

Нас поразило, как огромно влияние советской культуры на культуру других народов. Музыканты и певцы Чехословакии, Польши, Франции, Аргентины, Мексики и других стран исполняли советские музыкальные произведения и песни.

Советские песни необычайно популярны во всём мире. Их пели не только на концертах, но и на улицах и в особенности вокруг «костров мира», которые разжигались на берегах Дуная, на холмах и в лесах под Будапештом, на горе Геллерт. Здесь говорили на всех языках мира, и все понимали друг друга. К нам нередко обращались по-русски китайцы, малайцы, итальянцы, греки, вьетнамцы, чехи, американцы. Их знания русского языка были не совсем твёрды, иногда они вместо «до свидания» говорили «здравствуйте» или «спасибо», но мы понимали их, мы чувствовали, что им дорог наш язык, что они всем сердцем с нами.

Вокруг «костров мира» происходило трогательное братание молодёжи всех национальностей. Некоторые сцены у «костров мира» запомнились мне на всю жизнь.

Вот наша девушка-комсомолка отдаёт свой комсомольский значок бразильцу, единственному представителю молодёжи Бразилии. Реакционное правительство Бразилии отказало ему и делегации в визе на проезд в Будапешт. Но юноша решил во что бы то ни стало попасть на фестиваль. Он нанялся юнгой на пароход и пересек океан. Прошёл пешком Францию и Австрию.

Я побывала на многих концертах. И мне бросилось в глаза, что в странах, сбросивших гнёт империалистов, искусство выше, чем в странах капитализма. Правительства молодых народных республик предоставили своей молодёжи широкие возможности для культурного развития.

Мне очень понравился прекрасный классический балет венгерцев. Венгерская молодёжь была нашим достойным соперником на конкурсе. Понравились и чудесный хор болгарской молодёжи и песни, исполнявшиеся монголами. Большое впечатление произвёл на меня ансамбль песни и пляски молодёжи освобождённого Китая. Их музыка, пение и танцы удивительно своеобразны, движения оригинальны и неожиданны. Своим темпераментным исполнением ансамбль сумел передать жизнеутверждающую силу революционных народных масс могучего освобождённого Китая.

Советская делегация добилась на международных конкурсах фестиваля самых выдающихся успехов. Она получила почётный приз фестиваля — «Кубок мира и демократии», три приза «Гран при» и пятьдесят четыре премии. Здесь вы видите выступление московского хореографического ансамбля «Берёзка», получившего первую премию.

В день открытия фестиваля на стадионе «Уйпешт» состоялся парад делегаций восьмидесяти четырёх стран. Когда проходила советская делегация, все зрители поднялись в едином порыве и стали восторженно её приветствовать.

Более двух месяцев он добирался до Будапешта, чтобы вместе со своими друзьями поднять голос протеста против поджигателей войны.

Вот молодой грек с глубоким шрамом на лице рассказывает о героической борьбе греческих партизан. Указав на свой шрам через всю щёку, он говорит:

— Это меня поцарапала американская пуля.

Услышав его слова, к нему быстро подходит девушка из группы делегатов Америки, обнимает и крепко целует в щёку.

Незабываемым был и день 19 августа — день четырёхлетия Вьетнамской республики. В гостях у вьетнамцев собралась молодёжь самых разных стран. На митинге выступил молодой французский рабочий, он сказал:

— Предатели Франции ведут против вьетнамцев грабительскую войну. Я не хочу краснеть за Францию, и, если мне дадут винтовку, я буду стрелять во врагов народной республики.

Неизгладимое впечатление оставил парад на стадионе «Уйпешт» в день открытия фестиваля. Это был парад единства демократической молодёжи всего мира, которая полна решимости защищать мир и демократию.

Непрерывный поток улыбающихся, бодрых лиц. Стройными рядами, со знаменосцами во главе, проходят в национальных костюмах делегации молодёжи 84 стран. Бурными приветствиями встречают зрители представителей советской молодёжи. Идут с гербами своих республик колонны Чехословакии, Венгрии, Болгарии, Румынии, Польши. Проходит с боевыми знамёнами молодёжь Греции, Испании и Китая. На транспарантах английской и американской молодёжи лозунги протеста против Северо-атлантического пакта, против поджигателей войны; с лозунгами свободы и независимости проходит молодёжь Малайи, Вьетнама, Бирмы, Алжира, Индии и Индонезии.

Молодёжь Франции горячо чтит память французской партизанки-патриотки Даниэль Казановой. Она бесстрашно сражалась с немцами. Гитлеровцы арестовали её, жестоко пытали, мучили. Но Даниэль никого не выдала фашистам. Гордо пошла она на казнь. Последними её словами было обращение к французскому народу: «Да здравствует Коммуна!»

И вот на параде в Будапеште проходит делегация французской молодёжи. На её знамени написаны гордые слова:

«Никогда страна Даниэли не будет воевать против страны Зои!»

* * *

В день закрытия фестиваля торжественно и грозно прозвучали слова клятвы, одновременно произнесённые на восьмидесяти четырёх языках:

— Мы клянёмся, что будем защищать мир, сопротивляясь попыткам империалистов развязать новую войну! Мы призываем всю молодёжь — надежду народов — объединиться, чтобы не допускать новых массовых убийств на нашем пути к лучезарному будущему! Мы клянёмся вести до победного конца этот священный бой за мир, за счастье!

— Клянёмся, клянёмся, клянёмся! — трижды повторили все делегаты.

Эта клятва выразила стремление демократической молодёжи всего мира вместе со всем прогрессивным человечеством бороться за мир, за демократию, за свободу народов, за лучшее будущее.

В НАШЕМ КОЛХОЗЕ СТРОЙКА

(С еврейского)

Стихи З. Телесина **Рис. Е. Ребиковой**

Новая улица

Видали вы улицу
Сплошь без домов?
Не может же улица
Быть без домов!

Строители-плотники
Взялись за дело,
И всё под руками
У них закипело.

От ранней зари
До вечерней поры
Их пилы звенят
И стучат топоры.

Дома появились.
Но дело не в том;
Раз нету двора,
То какой это дом?

Чтоб прямо к порогу
Дорога вела?!
Чтоб прямо на улице
Тыква росла?!

Где ж будет для нашего
Пса конура?
И где же играть,
Если нету двора?!

Строители-плотники
Взялись за дело,
И всё под руками
У них закипело.

Как только на улице
Встали дома,
Она на дворы
Поделилась сама.

Но двор без забора —
Какой это двор?
Для хмеля ползучего
Нужен забор.

Не будет забора,
На что будет мать
Порожние крынки
Тогда надевать?

А я? Вдоль чего я
Прутком поведу,
Когда в нашу новую
Школу пойду?

Строители-плотники
Взялись за дело,
И всё под руками
У них закипело.

Строители-плотники
Подняли стук —
И вот появились
Заборы вокруг.

По заборам потом
Заиграл я прутом:
Тра-та-та-та —
Красота!

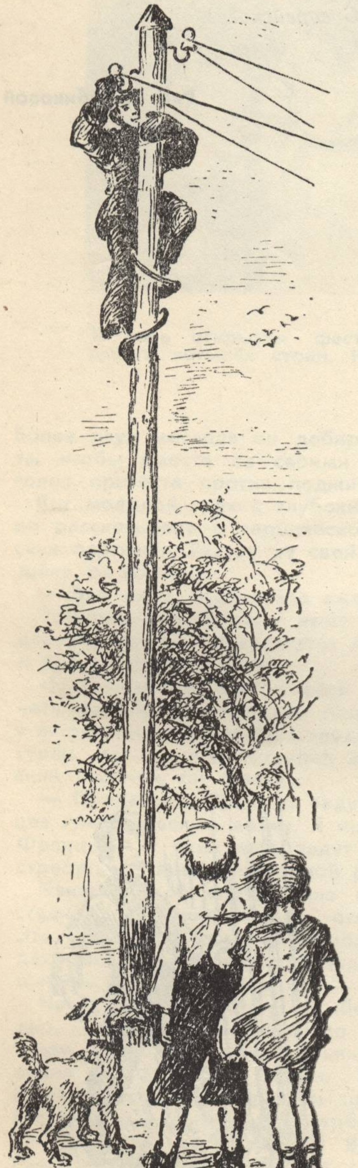

Перевод Р. Юлисовой

Наш новый дом

1

Мы перебрались в новый дом,
Я обошёл его кругом.
Крылечко спряталось в саду,
А наши окна на виду.

Нет старой хатки маленькой
Со сломанной завалинкой.
Стоит наш дом прекрасный
На кирпичах на красных.

Стены не кривые,
Каждый угол ровен —
Из широких, крутобоких,
Светложёлтых брёвен.

Шарик, друг наш давний,
Бродит у крыльца.
Крашеные ставни
Цвета огурца.

Глаза я поднял выше:
Под черепичной крышей
Воробьи сидят,
На меня глядят.

2

Мы перебрались в новый дом,
Я весь его измерил.
Налево дверь,
Направо дверь,
Всего лишь три шага отмерь —
И ты стоишь уже теперь
У самой главной двери.

Я дверь налево распахнул —
Из русской печи жар дохнул.
Чугунок со щами,
С мясом, с овощами,
Гречневая каша —
Это кухня наша.

Я дверь налево растворил,
Кто стены мелом побелил?
Мы спим не на полатях —
На городских кроватях,
Дощатый пол окрашен —
Это спальня наша.

Я три шага отмерил,
Открыл большие двери.
Посмотри, как высок
Расписной потолок!
Занавески новые,
Стулья все дубовые.

Сталин на портрете
Лучше всех на свете,
Он рукой мне машет...
Это зала наша.

Перевод **Р. Юлисовой**

Столб

Против нашего двора,
За калиткой прямо,
Два колхозника вчера
Столб вкопали в яму.

Повозились поутру
С ним они порядком,
Ободрать пришлось кору,
Чтобы стал он гладким,

Снизу вымазать смолой
Этот столб сосновый,
Чтоб стоял в земле сырой,
Как в калоше новой.

Столб глубоко в землю врыт,
Твёрдо стал на месте.
Плотно сверху он прикрыт
Колпаком из жести.

Вот монтёр кусачки взял,
Провода нарезал,
К сапогам он привязал
Когти из железа.

Он вцепился ими в ствол
Хваткою медведя,
К нам два провода отвёл,
Два отвёл соседям.

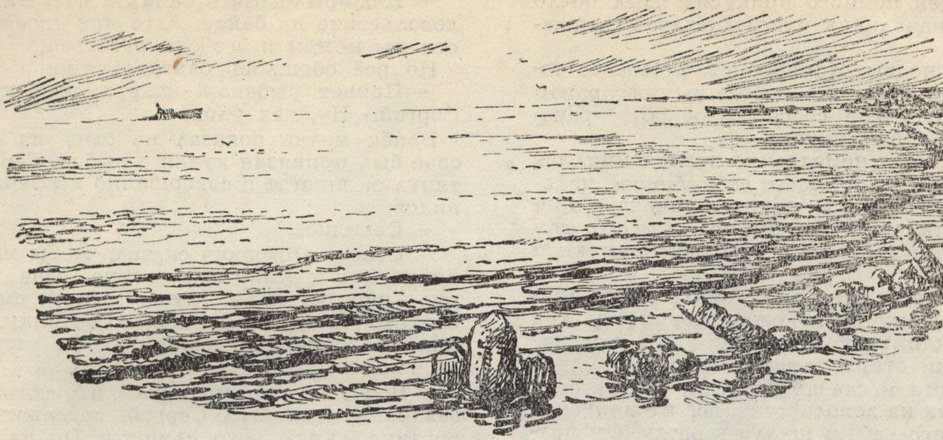
На изогнутых крюках
Чашки из фарфора,
Ласточки на проводах
Защебечут скоро.

Во дворе сгустилась тень,
Ночь пришла — и всё же
В нашем доме ясный день,
У соседей — тоже.

Лампы тусклый свет погас:
В ней нужды не стало.
Электричество у нас
Ярко заблистало.

Перевод **Т. Спендиаровой**

Хорошее море

Рассказ Андрея Шманкевича **Рис. Евг. Васильева**

Азовское море — мелкое море.

Ну что это за море, если целый километр надо идти, чтобы окунуться? Чуть не у самого горизонта стоит в море подорванная немцами землечерпалка; кто не знает, подумает, что она наплаву, а на самом деле она крепко сидит на илистом грунте, дожидаясь, когда у эпроновцев дойдёт до неё очередь. Правда, около землечерпалки человеку с таким ростом, как у Ванька Четверикова, будет с ручками, и даже Сергею Комаревцеву там с головкой, но всё равно, что это за море — пять километров от берега, а глубины сажень!

Конечно, есть в порту приличные глубины. До войны та самая землечерпалка каждый год выбирала грунт у полукилометрового причала и на подходах к нему, чтобы рыбацкие суда могли свободно швартоваться и выгружать улов. Но немцы сожгли настил, и теперь попасть в дальний конец причала, чтобы выкупаться и половить рыбу, можно было только по обгоревшим сваям да по острым, скользким камням, залитым на полметра водой.

Азовское море — рыбацкое море.

Хотя моряки дальнего плавания и подтрунивают порой над азовцами, сочиняя побасенки, вроде такой: «А мы тэж, бывает, по недилям плаваем и берега не бачим, бо... камыши кругом. И мы тильхо и слышимо, як по хуторам собаки гавкают...»,— сами азовцы относятся к своему мелкому рыбацкому морю с большим почётом и уважением.

А ребята — юнги из Приморской школы юнг — просто влюблены в своё море. Доказательством такой любви может служить и то, что Ванёк Четвериков вернулся из отпуска на десять дней раньше срока. Он так и заявил встретившему его завхозу Степану Петровичу:

— По морю соскучился...

На это завхоз сказал:

— Очень приятно... А где ты думаешь довольствоваться эти десять дней? Сам знаешь: камбуз на «Волге», а «Волга» в плавании.

Ванёк только вздохнул в ответ. И не потому, что боялся остаться десять дней без довольствия; на это он ответил коротко: «Рыбу буду ловить»; вздохнул он при напоминании о «Волге», красавице мотошхуне, белой, как пена прибоя, лёгкой, как чайка, проворной, как дельфин... Плавает она сейчас по Чёрному и Азовскому морям без него, без Ванька Четверикова. Что ж поделаешь, он ещё только первокурсник, только перешёл на второй.

А по морю действительно Ванёк соскучился. Он и не предполагал, что за год так полюбит его. Правда, была тут ещё причина, почему он рано приехал из отпуска: хотелось ему хоть несколько дней посидеть с удочкой. Во время занятий и некогда было и боялся Ванёк, что ребята поднимут насмех. Было у них такое суждение, что человеку, решившему стать капитаном или механиком рыбацкого судна, просто неприлично сидеть с удочками и ловить бычков. А вот во время отпуска, да ещё в пору, когда запрещён промысловый лов, тогда даже взрослому рыбаку не зазорно посидеть с удочкой — никто ничего не скажет...

В следующие два дня выяснилось, что не один Ванёк заскучал по солёной воде — из отпуска прибыли ещё двое: Вася и Костик. Первый, как и Ванёк,— будущий капитан, второй — механик. А на третий день прикатил Сергей Комаревцев. Его приезду Ванёк не очень обрадовался: не ладили они с Сергеем. Уж больно Сергей кичился и тем, что вырос на берегу моря (он был из Туапсе), и тем, что плавал кролем, и даже тем, что был правофланговым. А Ванёк замыкал строй на левом фланге, и Сергей всегда подтрунивал над ним.

Вначале все ребята тоже посмеивались над своим левофланговым, но скоро перестали, да

и сам Сергей немного прикусил язык после того, как начальник школы сказал однажды:

— Напрасно вы, Комаревцев, задеваете товарища. Это только в строю вы на правом фланге, а в учёбе совсем наоборот: правофланговый — Четвериков.

Костик и Вася немедленно присоединились к Ваньку. Они смастерили себе удочки, накопали червей. Ванька, не сговариваясь, признали за старшего. Он выбирал место для ловли, у него хранились запасные крючки и лески.

Сергей заявил, что рыбу ловить он не пойдёт, что это ему не положено по штату, как будущему капитану. С утра он ушёл в станицу, а рыбаки отправились в порт.

Завхоз хотя и сказал ребятам, что не сможет взять их на довольствие, всё же приказал прислать кого-либо в школу к обеду. Он молча вручил Васе корзину. В корзине стоял кувшин ряженки, лежали лепёшки, пирожки с яблоками, четыре конфеты «коровка» и десятка два яблок и груш.

— Это тоже возьмёшь,— сказал Степан Петрович, указывая на большущий арбуз и две дыни, лежащие на подоконнике.— Бери, бери. Это с нашего подсобного хозяйства. Вы сами их сажали и пололи.

— Да мы не съедим всего...

— После купания вы и быка съедите. Купаетесь?

— Только один раз,—принялся уверять Вася.

— Один раз? Знаю я этот «раз»! Это значит: утром залезаете в воду, а вечером вылезаете... Всё знаю, сам на море вырос. Ну, ладно. Только далеко не плавать!..

* * *

У Сергея оставалось немного денег. Их хватило на две порции мороженого и два стакана семечек, но поскольку мороженое и семечки только в самой малой степени заменяют обед, пришлось бы Сергею довольствоваться одним морским воздухом, если бы он не увидел Васю с корзиной.

— Стоп, матрос! Откуда у тебя такая симпатичная корзиночка?

— Из школы. Это Степан Петрович дал.

— Захватывающее зрелище! Надеюсь, тут и моя доля есть?

— Не знаю.

— А кто знает?

— Ванёк.

— Ванёк? Интересно... А вы что, атаманом его выбрали?

— А тебе хотелось, чтобы тебя выбрали?—спросил вместо ответа Вася и начал труднейшее путешествие по подводным камням в дальний конец причала.

Сергей посмотрел ему вслед, затем посмотрел на свои привезённые из дому брюки-клёш и, сокрушённо вздохнув, принялся раздеваться. Ему, так же, как и всем ребятам, хорошо был знаком путь по камням и сваям. При своём росте, да ещё с пустыми руками он не только догнал Васю, но и обогнал. Вася шёл медленно, боясь уронить корзину. Сергей и не подумал ему помочь, он только сказал:

— Надо было взять байду и доставить продовольствие на байде. А то при твоей ловкости мы можем и без еды остаться.

Но всё обошлось благополучно.

— Привет рыбакам!—ещё издали крикнул Сергей.—Ну, как улов?

Ванёк молча показал на одну из свай, к свае был привязан кукан с рыбой. Сергей потянул за шпагат и совершенно искренно удивился:

— Солидно!..

— Степан Петрович сказал, чтобы мы рыбу приносили к Анне Ильиничне. Она поджарит,—передал Вася.—Тут она нам, смотрите, сколько наложила, еле донёс корзинку. А Степан Петрович ещё сказал, чтобы мы далеко не плавали.

— Вот, слышали, мальчики, что сказал дядя завхоз? — подхватил Сергей, подсаживаясь к корзине.—Дядю надо слушать. Он на вас не надеется и волнуется. По моим скромным наблюдениям, наш товарищ завхоз не очень-то обожает морскую стихию...

— Вот что, Сергей, ты если не знаешь ничего, так лучше помолчи,— перебил Ванёк.

— Ты видал, сколько у него орденов и медалей? Видал? — набросился на Сергея и Вася.

— Ну и что же? Разве я говорю, что он трус? Я только говорю, что он воды боится. Он мог и на берегу воевать...

— Так вот,—внушительно начал Ванёк,—Степан Петрович—самый настоящий моряк и не на берегу воевал, а на море, сначала на Чёрном, а потом здесь, на Азовском. И был он командиром мотобота. А ты знаешь, что на мотоботах делали? Десант перебрасывали в Крым.

— Так почему же Степан Петрович стал завхозом?

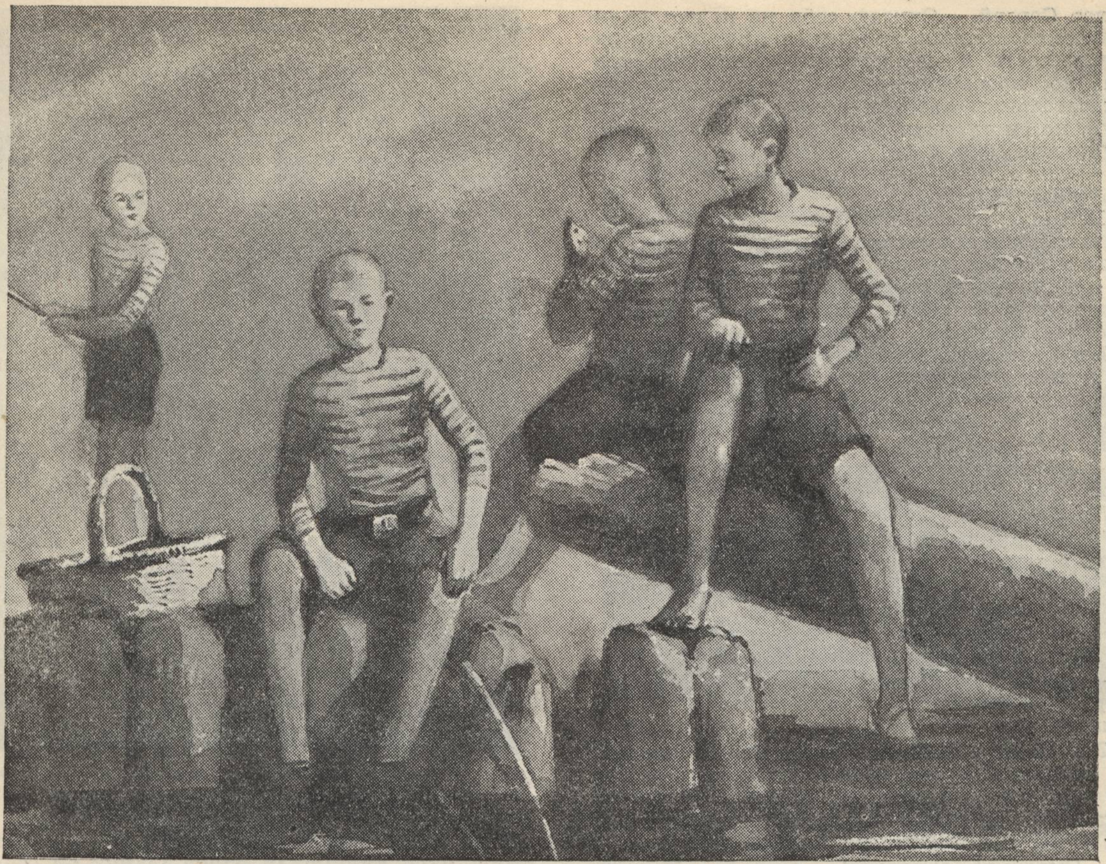
— Да потому, что нельзя ему теперь моряком быть. Нервы у него больные, и доктора ему запретили плавать. Он два года в госпитале пролежал.

— Постой, Ванёк, а откуда ты всё это знаешь?

— Станичник наш рассказывал. Тоже морячок. Степан Петрович был старшиной, командиром мотобота. И где было самое трудное дело, сам туда напрашивался. Во время одного дела немцы подбили его мотобот. Старшина всю ночь проплавал в ледяной воде да ещё при шторме. Утром его подобрал другой мотобот. Только он немного в кубрике обогрелся, самолёт немецкий налетел. Ну, а мотоботу что, много надо? И опять Степан Петрович очутился в воде... Только на другое утро его подобрали у нашего берега уже без сознания. Вот с тех пор и не может он спокойно смотреть на воду, когда волна.

Поплавок на удочке Ванька резко дёрнулся и наискось ушёл под воду. Ванёк проворно схватил удилище и подсек. Рыбина попалась крупная, она металась под водой в разные стороны так, что леска, натянувшись струной, со свистом резала воду. Все с волнением следили за Ваньком. Костик даже вскрикнул, думая, что сазан сорвётся. Но Ванёк не дал сазану уйти, и через минуту Костик подхватил его сачком.

— Хорош, кило на четыре потянет! — на глаз определил Сергей.

— Так вот, — внушительно начал Ванёк, — Степан Петрович — самый настоящий моряк.

Однако как только сазан был посажен на кукан, он перестал им интересоваться. Его волновала судьба завхоза.

В душе Сергей стыдился того, что, не зная истории Степана Петровича, нехорошо говорил о нём. Но сознаться в этом сейчас перед ребятами он не хотел и попытался выпутаться:

— А что я говорил? Настоящий моряк должен уметь отлично плавать. Не буду хвастать, но я при такой обстановке тоже, пожалуй, выплыл бы, а вот Ванёк навряд ли...

Сергей ожидал, что Ванёк насупится и скажет: «Ладно. Там видно было бы...» Но Ванёк только посмотрел на него и как-то странно улыбнулся. Никто из ребят, даже Вася, не знали одного секрета Ванька́. А секрет был в том, что за лето он научился хорошо плавать, и сейчас ему очень хотелось показать ребятам своё искусство, удивить их. Сергей продолжал:

— Вон землечерпалка. Мне до неё пустяки доплыть, а Ванькý вряд ли!..

— Что ты заладил: вряд ли да вряд ли. А вот и доплыву! — крикнул Ванёк.

— Кто, ты? — встрепенулся Сергей.

— Да, я. Поплыли?

— А потом я должен буду тебя буксировать? Спасибо. Удовольствие не очень большое!

— Там видно будет, кому кого придётся буксировать. Ну, поплывёшь?

Сергей, всё ещё думая, что Ванёк шутит, сказал:

— Ладно, поплывём. Только сначала вот что: видишь, вон стоит лайба на якоре. Ты доплыви до неё, а я посмотрю...

Ванёк сбросил тельняшку и, не говоря ни слова, полез на сваю. Сергей да и Костик с Васей ожидали, что Ванёк рассмеётся и скажет, что разыграл Сергея, но Ванёк, оттолкнувшись от сваи, прыгнул вниз головой. Вася даже дышать перестал от удивления. У Сергея поднялись брови.

Ванёк вынырнул и поплыл к байде. Он знал, с каким вниманием следят за ним ребята, и ему хотелось немного подурачить их. Поэтому он старался плыть как можно хуже, беспорядочно бил по воде руками и ногами, так что вода кипела вокруг него.

— Хорошо, что в море лягушек не водится, — засмеялся Сергей, — лопнули бы от зависти!

— А всё-таки доплыл, — сказал Вася.

Байда стояла на мелком месте. Ванёк влез в неё и уселся на корме.

— Ну, Серёжа, поплыли, что ли? А то не успеем до вечера назад вернуться! — крикнул он.

— Соревнование отменяется! — крикнул в

ответ Сергей. — Считаю себя не подготовленным к состязанию с таким стилистом, как ваша милость! Да и соответствующая подготовка не проведена — надо вызвать парочку спасательных катеров и водолазов. Я, пожалуй, не смогу один разыскать вас в морских пучинах..

— Как хочешь, я и один поплыву, — спокойно сказал Ванёк.

Всё ещё думая, что Ванёк шутит, Сергей схватил его тельняшку, поднял её, как флажок, и скомандовал:

— Внимание! Начинается заплыв на дистанцию в четыре километра на побитие всеазовского рекорда. На старт!

Ванёк махнул ребятам на прощание рукой и, поднимая тучи брызг, побежал по воде в сторону землечерпалки.

Сергей хохотал, невольно засмеялись и Костик с Васей.

— Вот это стиль! Я такого ещё в жизни не видел! Как он называется? — кричал Сергей.

Но Ванёк уже не слышал его и не ответил.

Чтобы лучше было видно, ребята перебрались в самый конец причала и вскарабкались на груду камней. До войны эти камни служили фундаментом для маяка.

— А вдруг он и на самом деле поплывёт? — не совсем уверенно сказал Костик.

— Куда, на землечерпалку? — отозвался Сергей, и по его тону было понятно, что он решительно отвергает такую возможность.

Сергей не договорил. Ванёк дошёл наконец до глубины. Даже с такого большого расстояния ребята заметили, что поплыл он совсем иначе. Он не махал больше руками как попало, а плыл спокойными сажёнками.

— Смотрите, смотрите!..— закричал Костик.

— Когда это он научился сажёнками? — как бы слегка удивляясь, сказал Сергей. — Неважный это стиль, им далеко не уплывёшь. Это не кроль. И напрасно он так далеко заплывает, без тренировки такие вещи делать не рекомендуется...

— А ты догони его и скажи, — предложил Вася.

Сергей как будто только и ждал такого предложения. Ему всегда было не по душе, когда героем был не он, а кто-то другой.

Он быстро разделся и прямо с камней бросился в море.

Ванёк был уже далеко. Он устал, но усталость была приятной. Ему хотелось петь от чувства победы, от ощущения широты морского простора. Конечно, он и не думал плыть на черпалку. Шутка ли сказать, до неё километра четыре будет. Но всё равно победа за ним.

Прежде чем повернуть к берегу, Ванёк решил немного отдохнуть и повернулся на спину. Он лежал на воде, раскинув широко руки, и смотрел в синеву неба. Над ним носились серебряные азовские чайки, то взмывая вверх, то стремительно падая на воду.

Немного отдохнув, он приподнял голову и посмотрел на причал. Там на маяке стояли двое в тельняшках. «Костик и Вася, — решил Ванёк. — А Сергей, как всегда, и не смотрит. Ну ладно, пускай!» Но вдруг ему послышался голос Сергея. Ванёк осмотрелся. Сергей плыл в его сторону и что-то кричал.

На маяке стояли двое в тельняшках.

— Ага, не выдержал! — крикнул Ванёк, повернулся и поплыл к черпалке. — Пусть догоняет.

Если бы он смог разобрать, что кричал Сергей, то он, наверно, посмотрел бы на горизонт и немедленно повернул к берегу: из-за далёкой косы от норд-веста на небо подымалась чёрно-синяя туча. Даже неморяки в Приморской знают, что́ несёт такая туча: надвигался шторм.

Сергей изо всех сил работал руками и ногами. С такой быстротой он не плавал даже на соревнованиях. Расстояние между ребятами сокращалось, но очень медленно.

— Ванёк! Ва-ня! Стой! Ветер идёт. Стой! — кричал Сергей.

Оттого, что ему приходилось и плыть и кричать, у него, как говорят пловцы, пропало дыхание. Пока он отдыхал, Ванёк уплыл ещё дальше, и теперь Сергей не знал, что̀ ему делать: возвращаться к берегу или догонять Ванька́.

«Неужели он не видит? — злился Сергей. — Тоже мне, капитан! Мальчишка!.. Догоняй его, уговаривай!.. Да что я ему, нянька?»

Лёгкое дуновение ветерка как будто обожгло Сергею лицо и руки. Туча поднялась и закрыла весь горизонт. Она подбиралась к солнцу.

Ванёк в азарте не заметил первого порыва ветра. Он остановился тогда, когда вокруг неожиданно потемнело. Он даже не понял сразу, что́ произошло.

Азовское море — серьёзное море.

И откуда только у этого мелкого моря силы берутся?

Азовский шторм сорвался, как цепной пёс с привязи. Заклокотало море, пошли хлестать волны, да не такими валами, как на Чёрном море, где можно с одной волны на другую, как с горки на горку, перекатываться: поднялась азовская толчея. Налетают волны сразу со всех сторон, одна швырнёт вправо, другая швырнёт влево, сорвёшься с гребня одной, другая сверху накроет. Тут уж не помогут ни кроль, ни брасс, ни саженки, тут только бы на воде удержаться.

Пока Сергей плыл по глубоким местам, он не терял присутствия духа, а как попал на мелкое место, решил, что погиб: на мелком месте и плыть нельзя и пешком не пойдёшь. Только встанешь на ноги, ударит волна в спину и собьёт с ног.

До причала было рукой подать, но когда Сергей взглянул на него, то сразу понял, что на причал ему сейчас не попасть, надо держаться подальше от него. Подплыви Сергей близко к причалу, волны швырнут его на сваи. Надо было огибать причал.

На фундаменте маяка, прижавшись друг к другу, стояли Костик и Вася. Волны бились о камни и обдавали их каскадами мутных брызг. Сергей увидел, что и они уже не могут выбраться на берег, и тут же понял, почему ребята не ушли: это из-за них с Ванькòм они остались тут, на каменном островке.

На Сергея нахлынуло чувство тоски: как же он бросил Ванька?.. «Ванёк в море, а я... Сам его подбил, а потом бросил!..»

Сергей попытался встать на ноги и, пока его снова не сбило волной, осмотрел море. Но ничего не увидел среди пляшущих волн. Даже землечерпалка куда-то пропала.

Если бы потом Сергея спросили, что̀ он думал в этот момент, он, пожалуй, и не смог бы ответить. Он просто повернул, снова поплыл в море на помощь Ваньку̀, с отчаянной решимостью работая руками и ногами. Потом он подумал, что делает глупость, что всё равно не сможет помочь товарищу, если даже и найдёт его. Надо выбраться на берег и послать за Ванькòм катер.

Волны били его по голове и спине, трудно было дышать, всё тело одеревенело. Он уже не видел, как его пронесло мимо причала, потом мимо порта и всей станицы. Сознание на какую-то долю секунды вернулось к нему только тогда, когда прибрежный вал швырнул его на песок косы. Он несколько раз поднимался, но волны снова сбивали его с ног. Он едва нашёл в себе силы отползти подальше от воды.

Море гудело, и гул этот мешал ему вспомнить что-то очень важное.

И вдруг словно искра вспыхнула в сознании: «Ванёк!»

Сергей вскочил на ноги.

* * *

Он уже не застал Степана Петровича в школе.

— Побежал, в порт побежал! — сказала сторожиха. — Что-то там приключилось. А ты что это? В одних трусиках, грязный!..

Сергею некогда было отвечать.

...Катер сделал резкий разворот. Сергей увидел впереди землечерпалку.

— Потом, тётя Даша, потом всё расскажу... Давно он ушёл?

— Да вот только что.

В порт Сергей прибежал в тот самый момент, когда катер собирался отвалить от берега.

У катера стояли Костик и Вася.

— Степан Петрович, Степан Петрович! — закричал Костик. — Комаревцев пришёл. Вот он!

Сергей, не спрашивая разрешения, вскочил на катер.

— Степан Петрович! Мне надо!.. Разрешите мне с вами!..

Завхоз бросил ему свой плащ и стал к штурвалу. Ребята отдали концы. Степан Петрович скомандовал:

— Вперёд!

Моторист дал полный газ.

Катер тряхнуло от удара первой волны. Сергей ухватился за поручни и пошёл на нос. Он не мог заставить себя взглянуть на Степана Петровича и вздрогнул, когда тот крикнул ему:

— Комаревцев, наденьте плащ!

Почему-то эти слова успокоили Сергея, и он стал пристально вглядываться в бушующее море.

Катер прошёл вдоль всего причала. Сергей только теперь начал понимать, что Костика и Васю кто-то снял с маяка, что это они сообщили завхозу о Ванькè и о нём. Он ожидал, что Степан Петрович обогнёт маяк и поведёт катер в сторону черпалки, но Степан Петрович взял левее, прямо в открытое море.

«Куда же вы?» — хотел крикнуть Сергей и повернулся к рубке.

— Вперёд смотреть! — крикнул ему Степан Петрович.

Сергей ещё крепче уцепился за поручни и впился глазами в чёрные волны. Ветер дул справа от черпалки и поминутно обдавал Серёжу дождём брызг. «Конечно, правильно! — догадался Сергей. — Правильно, что он забирает мористей. Ведь его должно было сюда отнести ветром!..»

Но вот Степан Петрович круто положил руль вправо, и катер сделал резкий разворот. Сергей увидал впереди землечерпалку. На неё и повёл катер Степан Петрович. Но не прямо, а галсами. Волны бились о катер то с одной стороны, то с другой.

С наветренной стороны черпалки творилось что-то страшное. Зато с подветренной, а особенно у самого борта, было совсем тихо. Катер подошёл вплотную к борту, и Сергей, не дожидаясь команды, вскочил сначала на поручни, а с поручней прыгнул на мокрую палубу черпалки...

Ванёк лежал ничком на корме. Видно, он взобрался на палубу по ковшам, а отползти под прикрытие надстроек у него уже нехватило сил.

— Ванёк!.. Ванёк!.. — прошептал Сергей.

Ванёк лежал без движения, и Сергей боялся к нему притронуться. Он вздрогнул, когда услышал шаги Степана Петровича.

* * *

Азовское море — хорошее море!

Вчера шторм бушевал, над волнами висела чёрная туча, а сегодня и в небе синева и в море лазурь! О вчерашнем шторме напоминают только выброшенные на берег обглоданные кусты бузины, щепки и болберы — поплавки от рыбацких сетей. Как и до шторма, стоит в море у самого горизонта землечерпалка.

Её хорошо видно из окна школы юнг. Из окна видны весь порт, причалы, разбитый фундамент маяка. Сергей и Ванёк сидят на подоконнике в одних трусиках, упираясь друг в друга подошвами босых ног. Костик и Вася стоят рядом.

— Интересно, кукан с рыбой уцелел? — вдруг спросил Вася.

— Кукан что, а вот серёжкин клёш уплыл!.. — весело сказал Костик, и все засмеялись.

— А шут с ним, с клёшем! У меня ещё брюки есть, казённые. А вот что Ванёк будет делать? У него казённые уплыли!..

— Не горюй, Ванёк. Степан Петрович что-нибудь придумает, — сказал Вася.

При упоминании о Степане Петровиче и Сергей и Ванёк перестали смеяться и посмотрели друг на друга, а потом отвернулись к окну.

Все замолчали, и в наступившей тишине особенно громко прозвучали шаги в коридоре. Ребята знали шаги Степана Петровича. Сергей и Ванёк соскочили с подоконника.

Дверь отворилась, и Степан Петрович такой же неторопливой походкой, как он ходил всегда, вошёл в кубрик. На согнутой левой руке он нёс брюки и тельняшки, в правой — две пары ботинок. Он стал посредине кубрика и строго посмотрел на ребят. Те невольно вытянулись, как в строю.

Ребята и моряк простояли молча целую минуту, вглядываясь друг в друга. Сергей и Ванёк искали на лице Степана Петровича следы усталости или расстройства, но ничего не могли заметить: лицо моряка было таким же спокойным, каким они привыкли видеть его всегда. Только смотрел Степан Петрович на ребят строго и даже, как им показалось, с укором.

— Ну, капитаны, получайте!.. — сказал наконец Степан Петрович и протянул ребятам обмундирование.

Опустив головы, Ванёк и Серёжа направились к нему. Они не видели, как Степан Петрович подмигнул Васе и Костику, не видели, что у завхоза уже не было на лице никакой строгости, и поэтому для них было большой неожиданностью, когда он обнял их обоих за плечи и прижал к себе:

— Эх вы, капитаны дальнего плавания! Пришлось мне вчера страху из-за вас натерпеться!..

И Ваньку́ и Сергею захотелось повиснуть на шее у Степана Петровича и попросить прощения, но в это время Костик бросился к окну и заорал не своим голосом:

— Ребята, «Волга» на горизонте!

Все бросились к окнам.

Из-за далёкой косы, откуда вчера пришла штормовая туча, разрезая спокойную гладь воды, полным ходом шла белая мотошхуна.

Ванёк и Сергей торопливо начали одеваться, им хотелось поскорее встретить мореходов, подняться на палубу своего школьного корабля.

— Ничего, ребята, скоро и мы пойдём в море! — крикнул Вася.

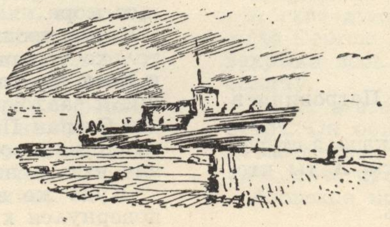
— А меня возьмёте? — спросил Степан Петрович.

Все обернулись к нему.

У Сергея чуть не сорвалось с языка: «А вам же нельзя!». Но Степан Петрович опередил его:

— Теперь мне можно. Вчера я выдержал экзамен, — сказал он спокойно, и ребята громко закричали:

— Ура!

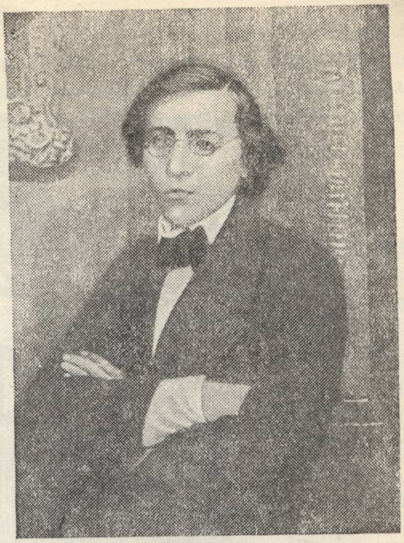

«ПОЗДРАВЛЯЕМ С ЗОЛОТОЙ МЕДАЛЬЮ!» Елена Шегаль.

29 октября 1889 года, ровно шестьдесят лет назад, умер знаменитый русский писатель, великий революционер-демократ Николай Гаврилович Чернышевский.

Творчество Чернышевского имело огромное влияние на русское революционное движение. Пламенный борец за счастье народа, он был властителем дум передовой революционной молодёжи.

Здесь вы, ребята, прочтёте рассказ о тех годах, когда Чернышевский, после окончания университета, преподавал словесность в Саратовской гимназии, рассказ о дружбе молодого учителя со своими учениками, в которых он воспитывал сознание долга перед родиной и стремление к самоотверженному служению народу.

УЧИТЕЛЬ

С. Заречная

ПЕРВЫЙ УРОК

Урок кончился. Гимназисты хлынули в коридор. Из-за неплотно прикрытой двери учительской доносились голоса: гнусавый — директора и высокий, негромкий — нового учителя. Пасхалов, семиклассник, прильнул к щели.

— Рыжий,— обернулся он к товарищам.— Волосы длинню-щие.

— Пусти-ка я,— оттолкнул Пасхалова Дурасов.— Тише вы, не мешайте!

— Читает что-то. Ничего не видит, нос в бумагу уткнул.

— Вот кого дразнить,—подхватил Баренцов.— Одно удовольствие!

— А худой, а бледный! В чём душа держится! — продолжал свои наблюдения Дурасов.

Дверь неожиданно распахнулась. На пороге показался инспектор Ангерман — и гимназисты рассыпались по коридору.

Чернышевский в учительской перелистывал журнал. Просматривал темы классных сочинений: «О различии между рассудком и разумом, степени аналогии их между собою и слиянии в одном общем источнике — уме», «О благородстве души». Какая напыщенная чепуха! Мудрено ли, что журнал пестрит единицами и двойками... А дисциплина! Он слышал смех в коридоре, нелестные замечания по своему адресу, но это его не смущало. Так было и в семинарии и в университете. Сначала подсмеивались над его неловкими манерами, над его близорукостью, рассеянностью, а потом все сердца обращались к нему.

Хлопнула дверь. Семиклассники встали. Новый учитель вошёл в класс один, без директора, который обычно сопровождал преподавателя на его первый урок.

Верзила Кашинцев насмешливо сверху вниз поглядывал на учителя. Другие — кто дерзко, кто недоверчиво, кто с нескрываемым любопытством — рассматривали его.

— Здравствуйте, друзья! — сказал Чернышевский. — Садитесь,— и улыбнулся.

Мальчики насторожились. Это приветствие и мягкая улыбка были непривычными для них.

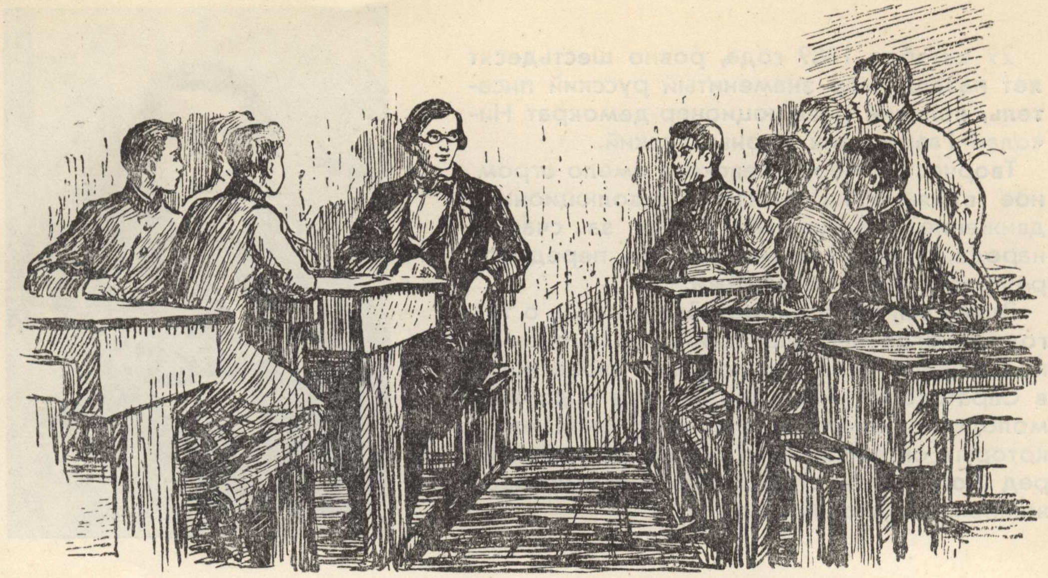
Дальше всё пошло совсем уж необычно. Вместо того чтобы взойти на кафедру, раскрыть журнал и начать перекличку, пронзительно вглядываясь при этом в лицо каждого ученика, учитель отложил журнал в сторону, как нечто не стоящее внимания, прошёл в глубь класса, попросил крайнего на парте, Баренцова, подвинуться и сел рядом с ним.

— А теперь давайте знакомиться.

Класс не шелохнулся. Это было совершенно неслыханно, непонятно и, как всё непонятное, страшновато. Мальчики встревожились.

— Сейчас начнёт шарить под партами,— шепнул Пасхалов Дурасову.

В ту же минуту из-под парты вывалилась папироса и покатилась по облупленному полу. Косясь на учителя, Дурасов пытался ногой незаметно подпихнуть папиросу под парту. Весь

Учитель расспрашивал учеников, любят ли они читать и какие книги им нравятся.

класс напряжённо следил за его действиями, только учитель ничего не замечал или делал вид, что не замечает. Он расспрашивал учеников, любят ли они читать и какие книги им нравятся.

Сначала все отмалчивались. Но близорукие бледноголубые глаза смотрели сквозь стёкла очков с такой поощряющей добротой, что мальчики осмелели.

— Мне нравится «Граф Монтекристо»,— выпалил Кашинцев и замолчал, оглядываясь на товарищей; тогда заговорили все наперебой.

— А мне «Три мушкетёра»: очень занятно.

— Я недавно прочитал «Юрия Милославского». Тоже интересно.

— Ну, нет. «Три мушкетёра» лучше.

Чернышевский надеялся услышать среди любимых авторов имена Пушкина и Жуковского, Лермонтова и Гоголя... Но оказалось, что ни Жуковского, ни Пушкина они не читали. Преподавание русской литературы заканчивалось Державиным. О Лермонтове ученики слышали от прежнего преподавателя только, что это пустой, дерзкий мальчишка, задира и дуэлист.

ВОЛЬНОДУМЕЦ

Чернышевский с первого взгляда не понравился директору. Длинноволосый — значит, из новых, прогрессист. А скромность только для вида.

Не доверяя молодому учителю, Мейер зорко следил за ним. Однажды во время урока Чернышевского он подслушивал в коридоре, прильнув к стеклу окошечка, прорезанного в дверях класса. Из-за его спины выглядывал, вытянувшись на носках, маленький, щупленький инспектор Ангерман.

В классе так тихо, что слышен скрип мелка. Новый учитель словесности что-то чертит на доске. Ученики вытягивают шеи. С задних парт привстали, чтобы лучше видеть.

— Монтаньяры в переводе на русский язык — значит горцы. Эта политическая партия с самого открытия Конвента заняла верхние ряды левой стороны,— Чернышевский провёл мелком линию на чертеже, изображающем зал заседаний Конвента. — Отсюда и произошло название партии: Гора — la montagne по-французски. Вождём монтаньяров был Дантон. К ним же примыкал и Марат, которого называли Другом народа.

Малорослый мальчик с блестящими любознательными глазами и упрямым хохолком на макушке поднял правую руку.

— Значит, монтаньяры... они были против крепостного права? — взволнованно спросил он.

— Не только монтаньяры. Против феодального порядка, основанного на господстве помещиков над крестьянами, направлены были все силы французской революции.

Мелок в тонких нервных пальцах Чернышевского хрустнул и сломался.

— Ведь феодальный порядок задерживал развитие страны — просвещение, производство, торговлю. В этом можно убедиться на примере нашего отечества, крепостное право — оковы для России.

— О чём толкует с учениками, а! — обернулся Мейер к Ангерману. — И слушают-то как, подлецы! Словечка не проронят.

— Высечь бы всех их! — отозвался Ангерман.

— ...Чтобы у меня в школе, совершенно открыто...— директор схватился за голову. Он распахнул двери и вошёл в класс.

Стукнули парты. Мальчики вскочили и вытянулись. Молодой учитель на полуслове оборвал урок.

— Продолжайте ваши объяснения,— с начальственной важностью сказал Мейер.

Чернышевский неторопливо вытирал платком перепачканные мелом руки.

— Я уже кончил.

Озадаченный неожиданным ответом, Мейер с раздражением теребил свои жиденькие бакенбарды.

— В таком случае... э... спросите у них заданное.

— Хорошо-с. Извольте спросить сами любого, по вашему выбору,— с невозмутимым видом ответил Чернышевский.

— Дурасов! Ну-с, что вам задано на сегодня, Дурасов?

Длинноногий подросток, устремив взгляд куда-то в пространство, произнёс отчётливо:

— «Лесной царь», баллада Жуковского. Из Гёте.— И, подражая Николаю Гавриловичу, продекламировал с чувством:

«Кто скачет, кто мчится под хладною мглой?
Ездок запоздалый, с ним сын молодой...»

Но Мейер не дослушал. Не находя слов от душившего его бешенства, он бросился вон из класса.

— Вольнодумство! Вольтерьянство! — бормотал он, тяжело шагая по коридору.— На Камчатку меня упекут за этого Чернышевского!

В классе стояла тишина. Лица мальчиков сияли. Дурасов в полном спокойствии окончил читать «Лесного царя». Как будто ничего не случилось.

А на перемене в учительской произошло бурное объяснение.

— Вы преподаватель словесности, а не истории. Прошу запомнить! — говорил Мейер, раздражённо теребя свои бакенбарды.— Ваши рассуждения о французской революции неуместны.

Чернышевский насмешливо следил за тяжеловесной фигурой директора, неуклюже метавшегося по учительской.

— Но ежели ученик просит растолковать ему значение терминов «монтаньяр» и «жирондист», я полагаю, это входит в круг обязанностей преподавателя словесности?

Заложив руки за спину, Мейер остановился перед молодым учителем:

— Ваши ученики слишком любознательны. Да-с. А чрезмерная любознательность ведёт к вредным умствованиям. Ученик же должен быть скромен и послушен. Рассуждать — не его дело.

— Мысль, достойная истинного ревнителя просвещения,— с полной серьёзностью произнёс Чернышевский. — Вам бы трактат написать на эту тему. Честь имею-с...— и Чернышевский вышел из учительской.

ИГРА В БАБКИ

На дворе у Варенцовых играли в бабки. Начали малыши. Потом присоединились старшие.

— Поглядим, кто кого! — с вызовом крикнул Вася Варенцов и нацелился.

Знакомый негромкий смех послышался позади. Вася обернулся, да так и застыл с бабкой, зажатой в руке: в полураскрытой калитке стоял Чернышевский. Чувствуя, что краснеет до самой макушки, Вася подбежал к нему:

— Николай Гаврилович, вы не думайте, что мы...

Гимназисты побросали бабки и окружили учителя.

— Мы к экзамену готовились, а малыши к нам пристали. Так пристали! Так пристали! — заговорили они наперебой. — Пришлось с ними поиграть.

Чернышевский смеялся:

— Что же тут дурного? Делу время — потехе час. Я и сам когда-то всех соседских мальчишек обыгрывал. А ну-ка, попробуем!..

И, к изумлению гимназистов, Николай Гаврилович умело расставил брошенные бабки, ловко запустил биту. Малыши стояли, разинув рты. Полчаса спустя Чернышевский обыграл всех своих учеников.

— Ну-с, поразмяли кости, а теперь за книжки. Спрашивать буду строго,— сказал он и попрощался с каждым за руку.

На экзамене вышла неприятность. Директор требовал, чтобы гимназисты отвечали слово в слово по учебнику. А Николай Гаврилович, наоборот, хотел, чтобы его ученики передавали выученное своими словами.

— Повторять без смысла чужие слова можно научить и попугая и даже скворца,— говорил он,— ученик должен понимать, о чём речь.

— Это совсем необязательно! — возражал Мейер и снижал отметки, выставленные учителем.

— В таком случае продолжайте экзамен сами, а я уйду.

Опасаясь скандала, директор вынужден был уступить.

ОПАСНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Гимназисты горячо привязались к Чернышевскому. После классов они гурьбой провожали его до самого дома, старались подражать его речи, манерам, причёске.

По воскресеньям гимназисты собирались у Николая Гавриловича. Они подолгу засиживались у него и уходили домой с тревожными и радостными мыслями, с интересной книгой, переходившей из рук в руки. А в городе только и разговору было что о чудаке-учителе, который играет с учениками в бабки и подаёт им руку, точно взрослым.

В семьях чиновников, мелкого служилого дворянства и среднего достатка купцов, дети которых учились в гимназии, зазвучали неслыханные слова о благе простолюдина, о долге образованных людей перед народом.

— Опасный человек! — сокрушались саратовские обыватели.— Опасный человек!

Педагоги, собиравшиеся вечерком в городском саду над Волгой, обсуждали за чаем неслыханное поведение Чернышевского.

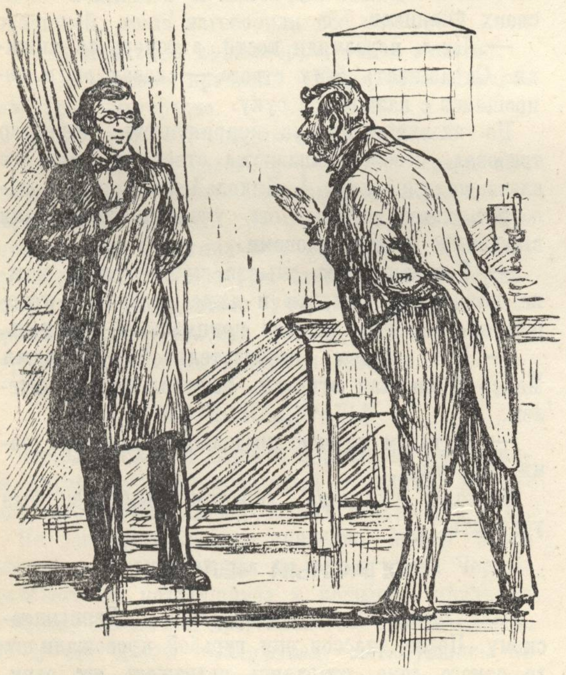
— Помилуйте, какая же у него дисциплина может быть на уроках, когда он ведёт себя с мальчишками, как ровня! — возмущался преподаватель математики Колесников. — Без порки дисциплины не бывает. Ученик должен бояться учителя.

— Ну, дисциплина у него на уроках получше, чем у нас с вами, — поддразнивал молодой учитель географии Белов, единственный приятель Чернышевского среди сослуживцев. — У Николая Гавриловича и без розог самые отчаянные шалуны слушают внимательно. Признаться, я и сам учеников за уши дирал, а теперь оставил эту гнусность: Николай Гаврилович пристыдил меня. Он правду говорит — ребёнок любознателен от природы, ведите свои уроки понятным языком, живо, увлекательно, и вас будут слушать. Слова не проронят.

— Уж эта мне любознательность! Вот где у меня сидит! — учитель истории похлопал себя по затылку. — Прежде, бывало, задашь по учебнику «от сих до сих». Потом вызовешь, спросишь. И тебе без хлопот, и ученику спокойнее, коли не лодырь. А ныне, с лёгкой руки вашего Николая Гавриловича, больно умны мальцы стали да любознательны. Растолкуй им: что, да как, да почему?

Даже стороннику порки Ангерману пришлось подтянуться. Бочку, где на виду у всех мокли розги, убрали из коридора и спрятали куда-то подальше и пороть стали реже, с оглядкой.

Покой старых учителей был нарушен, и они от всей души поддерживали директора, который стремился выжить из гимназии ненавистного «прогрессиста».

— Ваши убеждения неприличны и опасны! — кипятился Мейер.

ЧЕРЕЗ ДВА ГОДА

Однажды после классов Мейер вызвал Чернышевского к себе.

«С чего бы это?» — думал Николай Гаврилович, проходя длинным коридором к кабинету директора. По сухому откашливанию и по тому, как ожесточённо Мейер скрёб пальцами в правой бакенбарде, он догадался: объяснение предстоит решительное.

— Гм... гм... считаю своим долгом предупредить вас, Николай Гаврилович, что до меня уже давно доходят весьма неприятные слухи касательно э... э... вашего, так сказать, предосудительного влияния на учащуюся молодёжь, — начал Мейер. — За последнее время эти слухи участились. Не далее как на прошлой неделе некто, человек почитаемый, жаловался мне, что не узнаёт своих детей. Они позволяют себе предерзостно толковать о вещах, совершенно не подлежащих их суждению, как-то: о долге образованных людей перед простонародьем, о благе поселян, которому якобы препятствует власть над ними помещиков, и так далее и тому подобное. Что вы на это скажете?

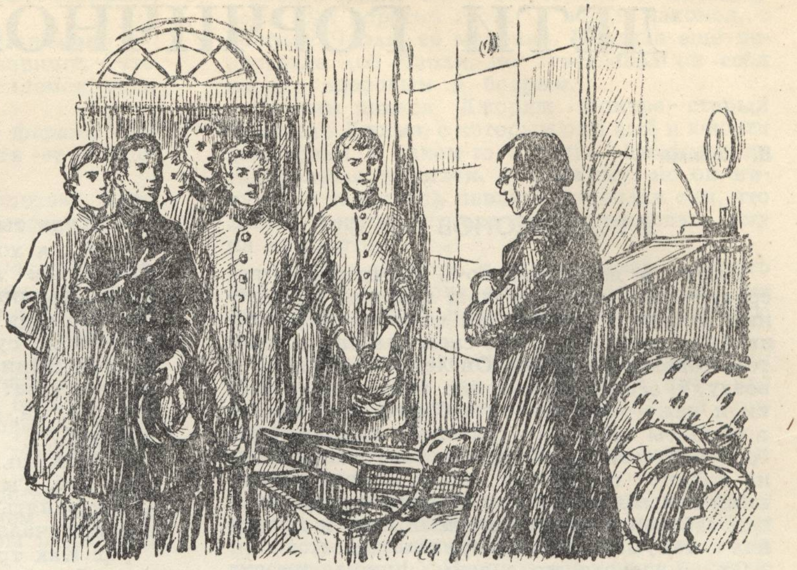
Чернышевский поднял на директора смеющиеся глаза:

— Что я на это скажу? Во-первых, почтенный родитель, на которого вы изволили ссылаться, — явный обскурантист, ибо кто же, кроме обскурантиста, может в наше время утверждать, что образованный человек не обязан заботиться о благе и просвещении народа? Во-вторых, о вреде крепостного права я высказывался гораздо шире. Я говорил, что оно препятствует общему процветанию нашего отечества, задерживает развитие

промышленности, распространение просвещения. Тяжелее же всего крепостное право отзывается на судьбе поселян. Ведь это же совершенно очевидно. Живые примеры у вашей молодёжи перед глазами.

— Не будем вдаваться в подробности!— кипятился Мейер.— Ваши убеждения неприличны и опасны!

— Я исполняю обязанности преподавателя и наставника, учу и стремлюсь пробудить в своих учениках интерес к знанию, развить способность к логическому мышлению и внушить им потребность в общественной деятельности. Я исполняю свой долг добросовестно, в меру моего разумения. Ежели же вам не по вкусу метóда моего преподавания, прошу прощения, я считаю её наилучшею и менять не собираюсь.

— ...Спасибо вам за всё, Николай Гаврилович! Мы вас никогда не забудем.

Мейер растерялся.

Уж нет ли за спиной молодого человека какой-нибудь влиятельной руки, что он держит себя так независимо?

— Но войдите же в моё положение,—стонущим голосом заговорил он.— На вас со всех сторон жалобы... Мне доверена гимназия, и если я не донесу на вас попечителю, другие донесут на меня за попустительство.

«Вот оно что! Донос!»— Чернышевский встал:

— Благодарю вас за предупреждение, Алексей Андреевич, и надеюсь, больше не доставлю вам хлопот. Я собираюсь в Петербург. Полагаю, вы не будете препятствовать моему отъезду.

Лицо Мейера просияло:

— Весьма, весьма рад за вас. Разумеется, Саратов — недостаточно широкое поприще для столь высокообразованного молодого человека. Я премного ценю ваши педагогические способности... Но вы сами понимаете... положение обязывает меня.

ПРОЩАНИЕ

С утра дом с мезонином, где жил Чернышевский, был осаждён гимназистами.

Восьмиклассник Дурасов, которому, как самому красноречивому, было поручено сказать прощальное слово, выступил вперёд:

— Многоуважаемый и горячо любимый Николай Гаврилович, я хочу сказать вам от лица всех товарищей... — внезапно он запнулся. В последнюю минуту все слова вылетели из головы. А он так хорошо подготовил свою речь!

— Про университет скажи, — громким шопотом проговорил кто-то сзади.

— ...от лица всех товарищей, — подхватил Дурасов, обрадованный, — что все мы, до единого, после окончания гимназического курса поступим в университет. Это вы пробудили в нас интерес к науке и... и...

— Любовь к просвещению,— подсказал Пасхалов.

— ...любовь к просвещению и сознание своего долга перед народом. И кроме того мы благодарны вам за то, что вы обращались с нами вежливо, как со взрослыми. Спасибо вам за всё, Николай Гаврилович! Мы вас никогда не забудем.

Дурасов с чувством пожал тонкую руку учителя.

— Мы к вам в гости приедем в Петербург. Можно, Николай Гаврилович?

Чернышевский пожимал протянутые со всех сторон руки. Он был растроган:

— До свидания в Петербурге, друзья.

И это свидание состоялось. Окончив гимназию, многие ученики Чернышевского приехали учиться в Петербург. По воскресеньям они снова собирались у своего любимого учителя. Он говорил с ними о том, о чём они не могли услышать на лекциях от своих профессоров: о беззаветном служении народу, о непримиримой борьбе с самодержавием за счастливое будущее народа, за его свободу.

☆

ДЕТИ ГОРЧИЧНОГО РАЯ

(Продолжение)

Н. Кальма **Рис. В. Цельмера**

У РОБИНСОНОВ ГОСТИ

Как-то в весеннюю ночь раскрылись — все сразу — тополевые гроздья, похожие на зелёные ягодки, и наутро все сады на Парк-авеню были покрыты, точно свежевыпавшим снегом, тополевым пухом. Он летел хлопьями по воздуху, оседал на волосах, покрывал лужайки и даже осмеливался забираться в дома и в комнаты замка. Не признавая никаких преград и заслонов, он дерзал покуситься даже на кабинет самого «большого босса» и мягкими белыми шариками катался там по полу или забирался на письменный стол и прилипал к монументальной чернильнице.

Ох, и воевала же с этим пухом миссис Причард! Она наступала на белые неуловимые комочки со всем воинственным пылом рьяной домоправительницы, преследовала его по всем апартаментам, сгоняла в окна, в мусорные корзины, в мусоропроводы, в мешки пылесосов. А наутро пух был тут как тут и взлетал перед самым носом разъярённой миссис Причард.

Вообще весна внушала ей много беспокойства. Например небо. Зачем оно такое излишне голубое и похоже не на приличное выдержанное небо, а на девочкино платье?! Миссис Причард предпочла бы более солидное небо, например серостального излюбленного оттенка, который так шёл к ней самой. Очень спокойный, немаркий цвет, приличествующий любому возрасту и усмиряющий повышенное настроение.

А сейчас, когда ещё появились такие розоватые облачка, и ласточки зигзагами чертят небо, и воздух наполнен запахом тополей, ни за что нельзя ручаться!

Подумать только: здесь, на Парк-авеню, где всё призывало к чинности и приличию, даже запертая за семью замками природа начала заявлять о своих правах! То выпирал из-за решёток и оград цветущий куст жимолости, то появлялся там, где ему было не положено, золотой цветок одуванчика, то вырастала вдруг буйная травинка! Нет, нет, пора покончить с этим буйством весны, тем более, что собственная дочь ходит какая-то неспокойная, неуравновешенная и всё куда-то стремится уйти!

— Куда ты направляешься, Патриция?

— Я... я хочу зайти в скаутский клуб, ма. Там... там девочки просили показать им узор... вышивание ришелье...

— Но ведь сегодня суббота. Разве ты забыла, что по субботам обычно к нам приходят миссис Эйнис с сестрой и несколько дам из моего клуба?

— Но, ма, я совсем недолго... На часок, не больше!..

— Можешь идти, но возвращайся скорей, дитя моё. Ты поможешь мне приготовить салат и занять гостей. Я хочу, чтобы ты заранее приучалась к обществу...

Уф! Как трудно лгать собственной матери, да ещё когда тебя в упор сверлят стальными буравчиками серые глазки!

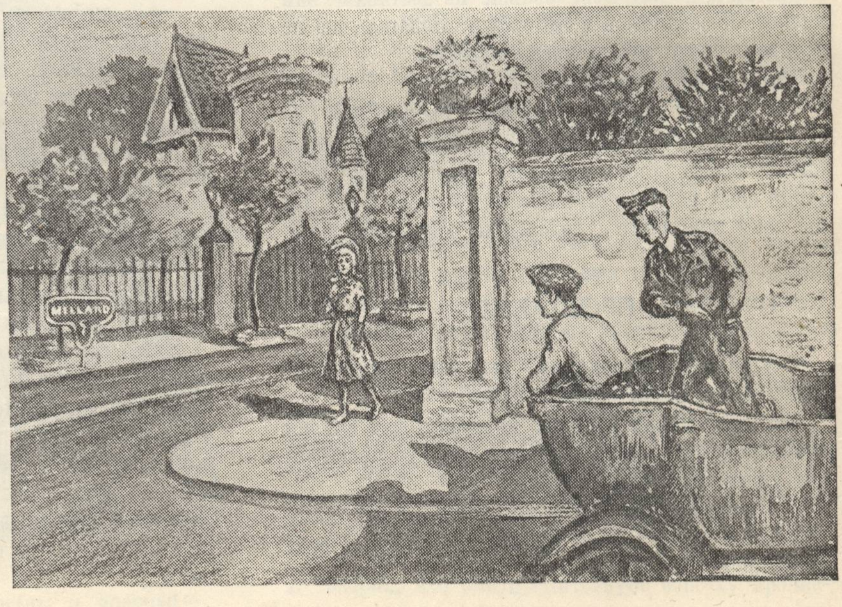
Пат вышла из ворот замка, чувствуя себя неспокойной. Скорей, скорей на остановку автобуса, чтобы никто не мог догнать, выследить!

— Хэлло, Патриция! Подвезём вас?!

Девочка вздрогнула. У поворота шоссе стоял открытый облезлый форд, в котором торжественно восседали Рой Мэйсон и Фэйни Мак Магон.

— А мы выехали прогуляться, — продолжал Рой, как бы не замечая смущения девочки, — вдруг видим: Патриция! Ну, давай, говорю, подвезём её, куда ей нужно...

— Большое спасибо, Мэйсон... Только мне тут совсем поблизости... Мать поручила кое-

— Хэлло, Патриция! Подвезём вас?!

что принести...— Пат с трудом выговаривала слова.

— Ага, поручение матери? Понимаем...— вмешался Фэйни, подмигивая товарищу.— Что же, Пат, мы расстоянием не стесняемся, хоть полквартала да подвезём.

Пат с отчаянием смотрела на фордик. Неужели ей не удастся избавиться от непрошенного приглашения?!

— Нет, мальчики, я предпочитаю идти пешком... Ведь сейчас такой прелестный вечер!..

— В самом деле, вечер прекрасный!— воскликнул и Рой.— А что, Фэйниан, не пройтись ли и нам вместе с Патрицией?!— и он сделал вид, что собирается выпрыгнуть из автомобиля.

Девочка растерянно оглядывалась.

— Я должна сказать вам... под большим секретом... ма не позволяет мне ходить с мальчиками, которых она не знает,— выговорила она чуть слышно.

— Так, так... Ну, что ж, придётся гулять одним, — сказал с сожалением Рой. — А жаль, право!.. Так хотелось бы проводить вас!..

Он всё ещё не давал сигнала к отправлению, и Пат, быстро кивнув обоим мальчикам, должна была под их взглядами пересечь улицу и направиться к остановке автобуса. Она шла быстро, всё время чувствуя на себе наблюдающие взгляды, от которых ей было так не по себе.

Там, куда направлялась Патриция Причард, уже собралось несколько друзей дома. Правда, собрание это ничуть не походило на рауты миссис Сфикси или даже на пятичасовые чаи мисс Вендикс. Здесь не было ни тщательного перемывания чужих косточек, ни великосветских новостей о путешествиях на яхтах или о свадьбах миллионеров. Не было здесь и вышитых салфеточек, которыми изредка грациозным жестом утирают с губ следы тонких яств. Нет, всё здесь было просто до бедности: и оладьи с патокой, и варёная капуста, и домашнее пиво, которое так любил покойник Тэд и так охотно пил его брат Джим.

— Узнаю золотые ручки стряпухи! — воскликнул Джим, взглянув на кухонный стол.

Салли шутливо мазнула его по щеке рукой, измазанной в муке. Ей до смерти хотелось наконец-то постряпать для себя, для своих собственных гостей, а не для визитёров какой-нибудь миссис Сфикси, куда её звали в дни бóльших праздников. И в этот день Салли встала чуть не на заре, чтобы замесить тесто и приготовить всё для «приёма», как в шутку говорил Чарли.

Впервые после смерти мужа Салли замурлыкала песенку, ту самую, которую они пели вместе с Тэдом. Постойте, как же она начиналась, эта песенка?! Ах, вот, вспомнила!

От тебя зависит, Долли,
Чтобы слёзы я не лил,
От тебя зависит, Долли,
Чтобы виски я не пил.
От тебя зависит, Долли,
Мой весёлый, звонкий смех,
От тебя зависит, Долли,
Чтоб я стал счастливей всех!

Светло-светло было на сердце у Салли: в доме был дорогой гость и встал, наконец, с постели Чарли, её мальчик. Повязка ещё перерезала лоб Чарли, но чувствовал он себя вполне здоровым и бодрым.

Первым явился Джордж Монтье—старый приятель Джима, с которым они ещё в юности выступали в каком-то кабачке. Джорджу не так повезло в жизни, как Джиму, но он ничуть не завидовал певцу и гордился тем, что Джим приглашает его аккомпанировать ему на концертах.

— Вы не шутите, я аккомпаниатор самого Робинсона,— говорил он, когда владельцы ресторанов хотели нанять его за ничтожную цену.

Джордж уже виделся с певцом в первые дни приезда и тогда же условился с ним, что подыщет подходящее помещение для концерта.

Теперь музыкант пришёл расстроенный и возмущённый.

— Как вам это нравится!—начал он ещё с порога.—Ни одного зала, точно у нас в городе пропасть лекций, концертов и театральных представлений! У Тэрнера все вечера расписаны на неделю вперёд, владелец «Маджестика» говорит, что у него ремонт, зал студенческого «Клуба волкодавов» тоже на ближайшие пять дней занят каким-то проклятым проповедником вечного блаженства!—он приблизился вплотную к Джиму и тронул его за руку.—Думаешь, я верю всей этой шумихе с залами? Неужели, если бы приехал какой-нибудь гипнотизёр-шарлатан или гадалка, они не нашли бы помещения?! Да сколько угодно! Видишь ли, здесь все знают, что ты выступал на Конгрессе, и прошёл слух, что ты был у красных, поёшь разные революционные песни, так люди не хотят наживать неприятности и объясняться потом с ФБР и с полицией...

— Ох, трусы проклятые!—не выдержал Чарли.—Я бы им сказал!

— Спокойно, мальчик, спокойно!—Джим раскурил папиросу.—Что ж, Джордж, попробуем поискать помещение где-нибудь здесь, в Горчичном Раю. Я думаю, что в американском городе не все люди—трусы и негодяи... Я, знаешь, ещё не разуверился в американском народе.

— Ты идеалист! — пробормотал Джордж.

Джим хотел что-то ответить музыканту, но в эту минуту явились новые гости и заполнили комнату весёлым гулом приветствий. Это были, как всегда, воинственный, бодрый, готовый схватиться в споре Цезарь со своей неизменной трубочкой, одетая во что-то яркое и блестящее, как оперенье райской птицы, Маргрэт с Нэнси и постоянная их спутница Мэри Смит.

Поздоровавшись с гостями, Салли умчалась на кухню за оладьями, а девочки тотчас же устремились к Чарли:

— Ты уже встал? Вот хорошо-то! Когда же в школу? Без тебя так скучно в классе!.. Даже вице-президент Принс недавно приходил и спрашивал о тебе, скоро ли ты придёшь! Он надеется, что к экзаменам ты поможешь ему подтянуть «малюток», а то у нас все разболтались... Даже вот она, даже Мэри ухитрилась заработать у Ричи «эф» по литературе!..

Мэри покраснела.

— Это... это было, когда ты лежал в больнице, Чарли,— шепнула она.— Я... У меня тогда совсем не работала голова...—и она преданными глазами взглянула на мальчика.

— Не горюй, Мэри, я уверен, что ты скоро опять получишь свои ленточки отличницы,— ласково сказал Чарли.

— А я написала новые стихи,— сообщила, сияя, Нэнси.—Василь уже положил их на музыку. Сегодня он обещал, что придёт сюда со скрипкой и сыграет нам что-нибудь, если не побоится твоего дяди.

— Чего же его бояться?!—засмеялся Чарли.—Дядя Джим такой добрый!.. И он обязательно должен послушать Василя. Может, он сумеет ему помочь, сделать так, чтобы Василь учился музыке...

— Ой, смотрите, кто идёт!—вскрикнула вдруг Мэри, взглянув в окно.—Патриция! Сама Патриция Причард!

Пат вошла, пугливо озираясь по сторонам. Господи! Одни негры! Куда она попала?! Что сказала бы мама, если бы знала, где находится её дочь?! Впрочем, вот одна белая девочка—Мэри Смит, но она не в счёт: её мать что-то вроде швеи или продавщицы в магазине.

Краска то пропадала, то появлялась на бледных щеках Патриции. Вот Салли Робинсон, та самая Салли, которая иногда приходит к ним на кухню стряпать и помогать маме. Посмотрите-ка на неё, какая она сегодня нарядная и величественная, как снисходительно ласково она здоровается с ней, с Патрицией Причард!

— Очень рада видеть вас у себя, мисс Причард,— сказала Салли, глядя на важную барышню,— сынок мой совсем поправился, встал сегодня с постели...

— Да, мэм,— пробормотала Пат.

— А вот это мой шурин Джемс Робинсон,— продолжает Салли.— Вы, наверное, читали о нём в газетах, мисс...

— Да, мэм,— опять пробормотала Патриция, не смея поднять глаз на высокого чёрного человека, который смотрел на неё с лёгкой насмешкой.

О, Джим отлично понимал, что чувствует сейчас эта белая девочка с Парк-авеню, попавшая в «чёрное гнездо». Ничего, ничего, барышня, надо приучаться к дёгтю, может, скоро настанет такое время, когда вы сочтёте честью для себя пожать руку честному негру!

Чарли тоже смотрел на девочку, но он не понимал, почему она так смущена. Наверно, Пат просто стесняется, оттого что в комнате так много незнакомых.

Он пришёл ей на помощь.

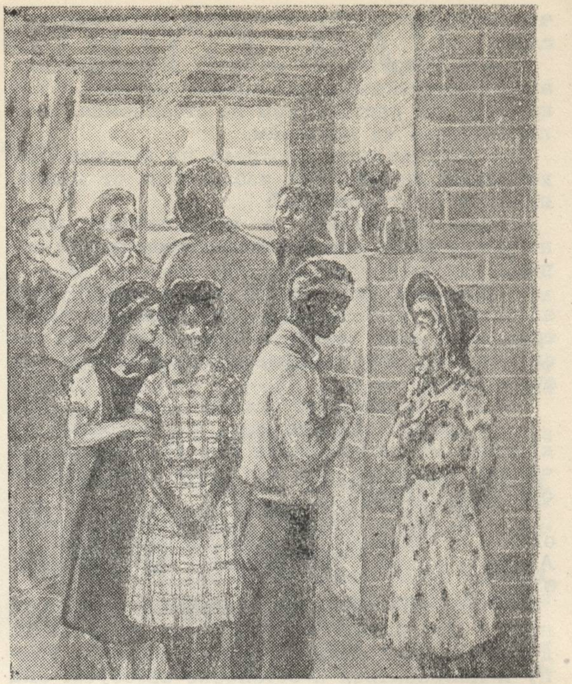
— Как хорошо, что ты зашла к нам, Пат! — сказал он, смущённо нагнув голову.— Я... видишь... я уже совсем выздоровел.

Пат кивнула ему и девочкам, как будто только что их заметила.

— Раз ты просил, я не могла не придти,— сказала она с величием королевы.— Я всегда исполняю такие просьбы.

— Просил тебя придти? — переспросил Чарли с недоумением.

— Девочка, которой ты поручил протелефонировать мне, позвонила третьего дня и

— Это какая-то ошибка,— сказал Чарли.— Я никому не поручал звонить тебе.

сказала, чтобы я пришла в субботу навестить тебя,— объяснила Пат.— Вот, видишь, я здесь...

И она посмотрела на Чарли с таким видом, как будто приносит ему величайшую жертву, за которую он должен благодарить её всю свою остальную жизнь. Однако мальчик вовсе не был склонен принимать жертвы.

— Послушай, это какая-то ошибка,— сказал он.— Я никому не поручал звонить тебе...

— Ах, так! — вспыхнула Пат. — Значит, я вовсе не приглашена сюда и ты не рад меня видеть?! Значит, по-твоему, я вру?

— Врёт! Врёт! Всё врёт! — азартно зашептала на ухо Нэнси Мэри.— Никто ей не звонил! Просто ей совестно стало, что она ни разу не была в больнице, вот она и притащилась сюда!

— Напротив, Пат, я очень рад, что ты пришла,— старался Чарли успокоить рассерженную девочку.— Я очень хотел тебя видеть... Только, честное слово, я никому не поручал звонить тебе.

— Тогда я пойду,— решительно двинулась к двери Пат.— Ты уже здоров, ты не звал меня, и я вовсе не хочу быть навязчивой...

Чарли широко раскинул руки:

— Никуда я тебя не пущу. У нас сегодня гости по случаю приезда дяди Джима, и мы все очень просим тебя остаться. Вот и девочки просят тебя. Неправда ли, Нэнси, Мэри, вы очень рады, что пришла Пат и вы просите её остаться с нами?! Ведь так?

Девочки вняли его взволнованному голосу. Нэнси первая сказала приветливо:

— Ну, конечно, Пат, ты должна остаться с нами. И мама Чарли будет обижена, если ты уйдёшь до чая...

Патриция нерешительно скользнула взглядом по комнате. По правде сказать, ей очень не хотелось так бесславно уходить после того, как она с таким трудом выбралась из дому. И мать непременно спросит, почему она рано вернулась. Но, с другой стороны, оставаться непрошенной в этом обществе?!

Впрочем, Чарли, наверное, лжёт... Конечно, звонили ей и просили придти по его поручению, но он стесняется девочек и потому не хочет признаваться. На этой мысли Пат окончательно успокоилась. К её величайшему облегчению, явились новые посетители и на этот раз даже белые. Правда, это не были настоящие лэди и джентльмены с Парк-авеню, к которым привыкла Патриция, а всего только Джой Беннет, близнецы Квинси и Василь со своими отцами, простыми рабочими, но всё-таки это были белые люди. И Пат осталась.

Салли внесла огромное блюдо дымящихся оладий, кувшины с патокой и пивом и позвала всех к столу.

— Ого, какое роскошное угощение! Не всякий день наш брат, безработный, может так полакомиться! — шутливо воскликнул Квинси, маленький и беспечный с виду человек.

— Какие безработные? О чём вы говорите? — тревожно сдвинула брови Салли.

— Как какие?! Да вот мы с ним,— Квинси указал на Гирича.— Уже три дня гуляем. Хорошо ещё, что нас просто выкинули с завода, а не увезли на полицейской машине.

— Господи, что же это! — воскликнула Салли.— Значит, вы оба теперь остались без работы?!

— Подожди, дорогая,— вмешался молчавший до тех пор Джим Робинсон,— пускай наши друзья расскажут подробнее, что̀ произошло с ними...

И при общем молчании Иван Гирич рассказал о том, что̀ случилось три дня тому назад в обеденный перерыв на заводе. Он рассказал, как его и Квинси притащили в контору, как там их допрашивал не только Коттон, но и сыщик, которого, очевидно, вызвали специально для них. Потом их обыскали и нашли у Гирича карманный географический атлас, на котором стояло имя мистера Ричардсона. Сыщик и Коттон перемигнулись, забрали атлас и долго выспрашивали Гирича, в каких отношениях находится он с мистером Ричардсоном и известно ли ему, что Ричардсон ведёт коммунистическую пропаганду на заводах.

— Ну, я их послал к дьяволу и сказал, что этот атлас дал моему сынишке учитель в школе, о котором я знать ничего не знаю. Сынишка приносил мне обед и нечаянно оставил атлас, а я его подобрал,— рассказывал Гирич.

— Молодец, что нашёлся! — сказал Цезарь, ожесточённо пыхтя трубкой.— За Ричи и так идёт слежка, это я знаю. Не нужно, чтобы его имя лишний раз упоминалось в донесениях полиции...

Все присутствующие были подавлены рассказом Гирича. Разговор не клеился. Джим Робинсон курил папиросу за папиросой. В одну из длинных пауз за окном раздался звук, певуче-пронзительный, словно какой-то одичалый индеец в девственном лесу сзывал на тризну своих соплеменников.

— Дядя Пост! — воскликнула Салли, бросаясь к двери.

Она выбежала на крыльцо и увидела знакомое оливковое чудовище, на сиденье которого торчал, как птица на жёрдочке, старый почтальон.

Почти тотчас же на крыльцо вышел и Джим Робинсон.

— Хэлло, старина! — приветливо помахал он рукой дяде Посту.— Ну и шикарный же у вас экипаж!

— Вам письмо, мистер Робинсон. Видать по марке — из России. Только я хотел вас предупредить: оно уже побывало кое у кого в руках... Имейте в виду. Я-то знаю, откуда оно вернулось к нам на почту и где путешествовало так долго. Жалею, что не успел перехватить его во-время!..

Джим Робинсон повертел в руках искусно заклеенное письмо с маркой, на которой был изображён московский Кремль.

— Хорошо умеют заметать следы, чорт возьми! — усмехнулся он.— Я вам очень благодарен, дядя Пост, за сообщение. Это очень важно.

Дядя Пост нагнулся к певцу.

— Теперь держи ухо востро, сынок,— зашептал он.

Джим невесело засмеялся.

— Ладно,— сказал он,— зайдите, дядя Пост, в дом выпить пивка.

Дядя Пост покачал белой головой. Нет, он очень торопится. Адресаты Горчичного Рая ждут почту. И, повозившись, как обычно, со стартёром, почтальон с грохотом покатил дальше.

Джим Робинсон тут же, на крыльце, проглядел письмо и ещё более задумчивый вернулся в дом.

Все выжидательно посмотрели на него.

— Вот, получил письмо из Советского Союза,— сказал он, помахивая белым листком.— Пишут мои русские друзья, сообщают последние новости. Пишут, что на главной улице в Москве расцвели сорокалетние липы, которые при мне только высадили. Мальчик, сын моего приятеля — слесаря с Автозавода,— окончил с золотой медалью школу и теперь поступает в университет, на историческое отделение. А отец собирается вскоре поехать в санаторий, на берег Чёрного моря, отдохнуть, полечиться.

— Сын слесаря — в университет?!

— Слесарь — отдыхать у тёплого моря?! — прошелестело над столом.

— Расскажи нам, Джим, обо всём,— сказал Цезарь, здоровой рукой притягивая к себе певца. — Ты же видишь, нам прямо не терпится узнать самую настоящую правду!..

— Да, мистер Робинсон, расскажите!.. Расскажи, Джимми! — раздались нетерпеливые голоса.— А то нас здесь пичкают чорт знает чем!

Джим Робинсон, высокий, с чуть опущенными усталыми плечами, прошёлся по комнате, задумчиво оглядел обращённые к нему лица чёрных и белых друзей.

— С чего же мне начать? — тихонько спросил он, обращаясь больше к самому себе.—

Конгресс... Потом Москва... Россия... Русские люди...

И негритянский певец Джим Робинсон начал рассказывать этим детям Горчичного Рая о далёкой могучей стране, рассказывать правду, которую они слушали, как волшебную сказку.

Леса, возникающие в пустыне. Возрождённые из пепла города. Крестьянки, заседающие в парламенте. Фруктовые сады в городах. Упорство и вдохновение народа. Подземные дворцы метрополитена. Простые рабочие, обучающиеся в консерватории. В аудиториях университета — узбеки, русские, армяне, евреи, таджики; он не помнит их всех, помнит только, что все они настоящие друзья. Студенты получают денежную помощь от государства. А если ты заболеешь, то к тебе придёт врач и будет лечить тебя и бесплатно поместит в больницу. Детям отданы красивейшие сады и дворцы, к ним приезжают учёные, и артисты, и писатели, и каждый человек может выбирать тот путь в жизни, который ему больше нравится.

Постойте, ещё он вспомнил историю белокурой кудрявой девушки-проходчицы из шахты метрополитена. Он познакомился с ней и даже был у неё дома. Эта девушка, её зовут Таня,— она стала депутатом парламента, и к ней на приём ходят люди со всеми своими нуждами, и Таня учится, чтобы разбираться во всех вопросах жизни. А ещё он знавал на Украине простого маляра, который был губернатором целой области величиной с большой штат. И надо было видеть, как умно распоряжался он своим огромным хозяйством, как умело подбирал людей!..

Робинсон рассказывал сбивчиво, перескакивая с предмета на предмет, здесь не кончая, там вдаваясь в мельчайшие подробности, но видно было, что ему страстно хочется передать всем сидящим здесь, в этом доме, свою любовь и восхищение русскими людьми, их страной...

Нет, пусть не лгут вам здешние правители. Русские не хотят войны, и им не нужна Америка. Им достаточно просторно в своей собственной стране. Они строят города, и сажают сады, и учат детей — им вполне хватает дела у себя дома. Нет, русские люди не хотят войны, и он, Джим, клянётся в этом своей жизнью! Он был в сердце страны, и на юге, и на западе — всюду люди мирно трудились.

— А на Карпатах вы случайно не были? — дрожащим от волнения голосом спросил вдруг Иван Гирич.

— На Карпатах? Да, да, конечно, я был и на Карпатах и в Закарпатье,— сказал Джим.— Я был там в одном чистеньком, милом городке. Постойте, как же его название? — Джим торопливо пошарил в карманах.— Ага, вот записная книжка, тут у меня записано, — он развернул книжку. — Вот... Мука-чёв, — с трудом выговорил он незнакомое слово.

— Мукачёв?! Да то ж наше мисто! — закричал вне себя от волнения Гирич, переходя на украинский язык и не замечая этого.— Василь, чуешь?! Вин був в Мукачёве!!!

— Чую,— отвечал Василь, тоже охваченный волнением.

— Ох, извините меня, мистер Робинсон! — спохватился Гирич.— Я совсем очумел от радости, да не молчите, расскажите нам, бога ради, о нашей родине! Ведь я родился на Верховине — рукой подать от Мукачёва!

— О, я очень рад, что могу вам рассказать о родных местах! — просиял Джим.— Там очень, очень хорошо. При мне строились целые новые селения, больницы, школы в сёлах. В долинах сажали апельсиновые и мандариновые деревья, разводили новые виноградники...

— Чуешь, Василь, мандариновые деревья? — снова воскликнул Гирич.

— Чую,— отвечал Василь.

Мальчик грудью навалился на стол и не сводил глаз с рассказчика.

— А в горах возле Мукачёва я встретил маленького пастушонка, которого отправили учиться в Ужгород, в музыкальную школу, потому что у него оказались большие способности и он хорошо играл на скрипке,— продолжал рассказывать Джим.

Если бы знал Джим Робинсон, какой огонь сыплет он в открытые раны этих людей! А может быть, он и знал, этот умный, знаменитый на весь мир человек, и нарочно растравлял раны, чтобы заставить людей действовать, бороться, добиваться своих прав?

ПОЯВЛЕНИЕ РИЧИ

По-разному слушали Джима Робинсона школьники. Боб и Вик Квинси, которые уже третий день сидели на голодном пайке, отдавали больше внимания оладьям, хотя и прислушивались к тому, что говорил певец. Патриция сидела, побледнев, вытянув тонкую шею, боясь пошевельнуться. Господи, куда она попала?! Оказывается, они не только чернокожие, но и коммунисты! Нэнси и Мэри даже не могли представить того, о чём рассказывал Джим Робинсон, так прекрасна была та страна, о которой он говорил, так непохожа на их собственное существование была жизнь этих далёких русских, и они слушали, затаив дыхание, и могли бы слушать так целую ночь.

— Вот где я стала бы поэтессой! — изредка вздыхала про себя Нэнси.

Василь внимал рассказу с особым, тревожным чувством. Для него это не было сказкой: страна, которая лежала далеко за океаном, была великой страной славян, к которой принадлежал он сам, близ которой родился он, и его отец, и дед. Сорваться бы с места и бежать, лететь в эту страну, жить там жизнью всего её народа!

Чарли слушал спокойно. Многое из того, что рассказывал Джим Робинсон, было уже знакомо ему по прежним рассказам дяди. Для него Россия, Советский Союз не был ни сказочной, ни отвлечённой, ни недоступной страной. Чарли твёрдо решил, что рано или поздно он побывает там.

Джим Робинсон рассказал о том, как он был в Москве на празднике 1 Мая. Это был праздник молодости, и девушки танцевали на украшенных гирляндами площадях. Сияло солнце, ветер шевелил алые флаги, а когда стемнело, мириады огней зажглись над городом и блистающим контуром обвили древние,

Робкий, дрожащий первый звук, похожий на крик ласточки, вырвался из скрипки...

тёмные башни Кремля. И было столько музыки, так певуч и полнозвучен был весь город, что певец почувствовал себя в родной стихии. Он шёл по улицам и пел вместе со всем народом, и со всех сторон тянулись к нему сотни дружеских рук, и незнакомые люди заговаривали с ним и старались выразить ему свой восторг и дружбу.

Джим вспоминал ещё и ещё. Глаза его блестели. Подошла Салли.

— Джим,— сказала Салли,— и у нас сегодня должна быть музыка. Помнишь, ты обещал нам петь. Но раньше мы послушаем нашего маленького друга — Василя,— и она ласково кивнула мгновенно покрасневшему мальчику.

Играть при нём, при этом знаменитом на весь мир певце?! Играть вот так, без всяких нот, на старой дедовской скрипочке?! Василь робко повёл глазами на отца, на Чарли... Но кругом уже хлопали крепкие рабочие ладони, кричали ребята, и Василь вышел из-за стола и взял скрипочку, завёрнутую, как ребёнок, в большой платок.

Всё затихло. Робкий, дрожащий первый звук, похожий на крик ласточки, вырвался из скрипки. За ним взлетел, внезапно окрепнув, второй, и вот уже певучие, нежные звуки рассыпаются, бегут, догоняют друг друга и вдруг взлетают все вместе и парят где-то высоко, где свободно гуляет ветер, где ходят прозрачные розоватые облака и грудь расправляется и дышит вольготно.

Глаза мальчика полузакрыты, длинные пальцы побелели в суставах: так крепко он держит смычок; блестит влажный лоб, пересохли губы. Какую песню — сладкую и незнакомую, но дорогую всем — играет Василь?

Последний звук, как последний вздох. Василь видит перед собой тёмное, озарённое внутренним огнём лицо.

— Спасибо тебе, мой мальчик, я получил такое огромное наслаждение! — бормочет Джим Робинсон, схватив тонкую, бледную руку.— У тебя душа большого музыканта, и ты будешь им, клянусь своей жизнью.

А кругом хлопают так, что вот-вот рухнут хрупкие стены домика, и отец Василя гордо смотрит на радостно смущённого сына.

— А теперь спой нам ты, Джим,— говорит Цезарь.

Джордж Монтье берёт припасённую заранее гитару. Тёмные пальцы пробегают по струнам. Раздаётся мягкий, бархатистый аккорд. Робинсон выходит на середину комнаты.

Но в этот момент распахивается дверь и в комнату входит новый гость.

— Мистер Ричардсон! — восклицает радостно Салли и спешит навстречу гостю.

— Джим, это мистер Ричардсон, учитель Чарли, наш друг...

Ричи жмёт ей руку и кланяется Джиму.

— К сожалению, мэм, я уже больше не учитель, — говорит он просто. — Сегодня, в полдень, меня уволили...

Кто-то громко ахает. Кто-то вскрикивает. Кто-то со стуком опускает на стол сжатые кулаки.

Патриция Причард, пользуясь тем, что все заняты учителем, даже Чарли не обращает на неё внимания, проскальзывает к дверям. Скорей, скорей уйти, с неё довольно! Сейчас здесь разразится буря — и тогда не поздоровится ни мистеру Милларду, ни мистеру Сфикси, всем тем, кто выгнал из школы Ричи. Она не понимает, за что выгнали Ричи, он довольно милый преподаватель... Но, вероятно, «большой босс» лучше знает, почему Ричи не следует держать в школе. Вот он ворвался сюда, к этим неграм, как в свой собственный дом, и здоровается за руку с Салли

Пат пересекла улицу и подошла к автомобилю.

приехала сюда. При мне в дом вошло несколько негров и белых самого низкого положения. Но я всё еще не верила, что среди этих людей может находиться моя дочь. И вот сейчас я убедилась, что это так.

Миссис Причард сделала эффектную паузу и полюбовалась произведённым впечатлением. Дочь сидела, опустив голову, дрожа.

— Завтра же я поговорю с Салли Робинсон. Она должна внушить своему мальчишке, что он не пара моей дочери. Он не смеет приглашать в гости Патрицию Причард, как какую-нибудь черномазую девочку.

— Ма, они меня не приглашали... — робко заикнулась Пат. — Честное слово, ма!..

— Что?! Ты хочешь сказать, что сама, по собственной инициативе побежала к этому мальчишке, забыла свой долг, оставила мать и её гостей и отправилась в этот чёрный дом?

— Нет, нет, ма, я не сама,— защищалась Пат.— Мне кто-то позвонил, я не знаю, кто, и мне сказали, что Чарльз просит меня придти. Но меня обманули...

— Значит, тебя обманом завлекли в этот дом? — казалось, миссис Причард очень обрадовалась.— Так, так, очень хорошо... Негры обманом заманивают к себе белых девочек! Хорошо. Всё это будет доложено, кому следует. Пускай все знают! Я больше не потерплю этого!

Дочь заплакала.

— Почему ты плачешь? Они тебе что-нибудь сделали?! Обидели тебя? — бурно набросилась на неё мать.— Говори скорей, что там происходило, у этих Робинсонов?..

— Нет, ма, меня не обижали... И там... там ничего не происходило... Просто, там разговаривали... Говорили о Советах... о России...— сквозь слёзы выговаривала Пат.— Дядя Чарльза получил оттуда письмо...

— Вот оно что... — миссис Причард призвала на помощь всё своё хладнокровие.— Патриция Причард, ты попала в самый центр коммунистов,— объявила она торжественно.— Ты обманула свою мать и будешь пожинать теперь плоды своего преступления.

Патриция зарыдала. Миссис Причард зажгла фары, и автомобиль, злобно блестя глазами, побежал прочь из Горчичного Рая, торопясь к замку «большого босса».

и с певцом, как с равными. А они, эти негры, — настоящие красные. Теперь Патриция своими ушами слышала, что они говорят и как расхваливают Советскую Россию.

С такими мыслями Патриция Причард потихоньку выбралась на крыльцо.

Было уже совсем темно. Несколько фонарей и свет, идущий из лавчонки напротив, слабо освещали дорогу и тротуар.

И вдруг Патриция увидела стоящую у тротуара, напротив, машину. Она смутно угадала знакомые очертания автомобиля, в котором её мать ездит на ферму Милларда за свежими яйцами и творогом для самого «босса». Патриция содрогнулась. И почти тотчас же из автомобиля раздался хорошо знакомый, железный голос:

— Патриция, я тебя вижу. Подойди сюда, Патриция!

Ватными ногами Пат пересекла улицу и подошла к автомобилю.

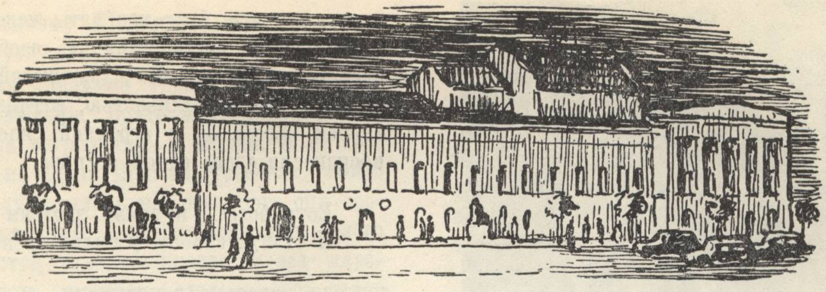
Мать сидела за рулём в своей неизменной шляпке, похожей на шпиндель, и в серых перчатках, которые она надевала, управляя машиной:

— Садись.

Девочка покорно уселась.

— Когда мне сказали по телефону, что моя дочь отправилась к мальчишке-негру, что она забыла всякий стыд и всякие приличия, я не поверила,— начала миссис Причард повествовательным тоном.— Всё же я решила самолично проверить и убедиться, что всё это ложь и гнусный поклёп на мою дочь. Я бросила приготовление торта и салата и

(Продолжение следует.)

МОСКОВСКИЙ МАЛЫЙ ТЕАТР

А. Дорохов

РОЖДЕНИЕ ТЕАТРА

В Москве, на площади Свердлова, стоит старинное здание. Перед главным входом в него — памятник великому русскому драматургу Александру Николаевичу Островскому.

Каждый вечер в ярко освещённые двери старого дома торопливо стекаются сотни людей. А когда на улицы столицы спустится ночь, из тех же дверей медленно выходят взволнованные люди с блестящими, возбуждёнными глазами. По их лицам видно, что все они только что пережили здесь что-то большое и радостное.

В этом здании помещается один из старейших и лучших наших театров — Московский Малый театр.

В нынешнем году Малому театру исполнилось сто двадцать пять лет. Этот юбилей весь советский народ отмечает как национальный праздник. Малый театр — гордость нашей страны.

Чем же дорог этот театр народу?

На его сцене идут пьесы, которые созданы гениальными русскими писателями. Играют эти пьесы талантливые русские актёры.

Но больше всего ценим мы Малый театр за то, что он всегда был и остаётся театром-воспитателем. Великие актёры, выступавшие на сцене этого театра, не хотели только развлекать зрителей: своей игрой они пробуждали в зрителях любовь к народу, горячее стремление к свободе, справедливости и правде.

История Малого театра началась в том же здании, в котором идут его спектакли и сейчас. Этому дому тоже сто двадцать пять лет.

В начале прошлого века в Москве ещё не было постоянного драматического театра. Одни и те же актёры выступали и в трагедиях, и в операх, и даже в балетных спектаклях. В 1806 году было решено создать казённую драматическую труппу. Свободного помещения для неё не нашлось. Спектакли давались то в доме богача Пашкова на Моховой улице, где теперь читальный зал Ленинской библиотеки, то в других частных домах.

Только через восемнадцать лет был переоборудован под театр большой дом купца Варгина на Петровской площади (сейчас она называется площадью Свердлова). В отличие от находившегося на той же площади Большого театра, где давали оперы и балеты, новый театр назвали Малым. 14 октября 1824 года в этом здании состоялся первый спектакль. С этого дня начинается история Малого театра.

Те спектакли, которые видели зрители сто с лишним лет назад, мало походили на нынешние. Многое в них показалось бы вам смешным.

Тогда считали лишним писать для каждой пьесы новые декорации. В театре была одна декорация дворца. Сегодня она изображала замок средневекового рыцаря, а завтра она же изображала восточный храм. Была декорация богатой комнаты, бедной комнаты, леса. В этих немногих декорациях играли любые пьесы.

И какие немудрёные были эти декорации! Теперь вы видите на сцене настоящие комнаты и даже целые дома. А тогда, чтобы изобразить комнату, просто вешали позади сцены большой холст, на котором были нарисованы два окна и дверь. В такую нарисованную дверь не войдёшь. Актёрам приходилось выходить на сцену прямо из боковой кулисы. Если же сцена должна была изображать лес или сад, вешали другую декорацию, на которой были нарисованы деревья.

Павел Степанович Мочалов читает монолог в кругу друзей (с картины художника Н. Неврева).

Случалось, актёр нечаянно прислонится к такому нарисованному дереву, и весь «лес» закачается.

Освещалась сцена масляными лампами, расставленными вдоль рампы. А если надо было показать лунную ночь, то на верёвочке спускали сверху сделанную из вощёной бумаги «луну», внутри которой горела свечка.

Мебель для всех пьес была одна и та же. В одном действии эти столы и стулья стояли в хижине бедняка, а в другом действии их покрывали пёстрыми тряпками, и тогда они уже изображали богатые столы и кресла в королевском дворце.

И всё же зрители уходили со спектаклей взволнованными и потрясёнными. Замечательная игра актёров заставляла их забыть о бедности декораций.

ВЕЛИКИЕ РУССКИЕ АРТИСТЫ

В труппе нового театра были собраны лучшие актёры Москвы. Главные роли в пьесах исполняли величайшие артисты того времени Мочалов и Щепкин.

Павел Степанович Мочалов был сыном крепостного актёра. Он обладал огромным талантом. Критик Белинский писал, что голос Мочалова — это «дивный инструмент, на котором артист по воле брал все ноты человеческих чувствований и ощущений». С особенной искренностью изображал Мочалов людей, гибнущих в борьбе с несправедливостью, жестокостью и лицемерием. Когда он с огромной силой негодования произносил слова одной из пьес:

> Есть боги... и земля злодеям предана!
> И стонут слабые у сильных под рукой!

зрители невольно вспоминали о несправедливости, которая царила в дворянской России. Весь театр охватывало то же чувство возмущения злом, которое воодушевляло артиста.

Михаил Семёнович Щепкин также родился крепостным. Он был сыном дворового человека, принадлежавшего графу Волкенштейну. Мальчиком он играл в спектаклях, которые устраивались в имении для развлечения хозяев и их гостей. Когда он подрос, граф отдал его в актёры городского театра, но на волю не отпустил — Щепкин попрежнему оставался крепостным.

Только в 1821 году, когда Щепкину было уже тридцать два года, поклонники талантливого актёра собрали по подписке тысячу рублей и выкупили его у помещика. Щепкин стал свободным, но ещё много лет приходилось ему собирать деньги, чтобы выкупить из неволи свою жену, братьев и детей. В 1823 году Щепкин вступил в труппу Малого театра и играл в нём в течение сорока лет.

Обладая природным талантом, Щепкин развил свои способности до необыкновенного совершенства неустанным трудом. Он говорил: «Театр для актёра — храм. Твоя жизнь, твоя честь, всё принадлежит бесповоротно сцене, которой ты отдал себя. Относись с уважением к этому храму и заставь уважать его других». Не было случая, чтобы Щепкин опоздал на репетицию или явился на спектакль, не изучив вполне и не отделав свою роль. Сколько бы раз ни шла пьеса, он не соглашался играть её без репетиции. В день спектакля он по многу раз проходил дома свою роль, добиваясь правдивости и выразительности каждого слова.

Всю жизнь Щепкин учился, много читал, встречался с самыми передовыми и просвещёнными людьми своего времени. Тесная дружба связывала бывшего крепостного мальчика с Пушкиным, Гоголем, Лермонтовым, Грибоедовым, Герценом, Аксаковым, Тургеневым, Белинским и другими великими русскими писателями и общественными деятелями.

Щепкин был первым, кто принёс на нашу сцену естественность, простоту и правдивость. Идя

по пути, указанному Щепкиным, русский театр завоевал мировую славу.

В исполнении Щепкина герои пьес становились живыми людьми. Зрители узнавали в них тех, с которыми встречались в жизни. И от своих товарищей по сцене Щепкин требовал, чтобы они глубоко задумывались над тем, кого они изображают. Щепкин внёс в работу артистов Малого театра то чувство ответственности перед народом и серьёзность, которые сделали этот театр к концу прошлого века лучшим театром России.

С особенным блеском расцвёл талант Щепкина, когда на сцене Малого театра появились гениальные комедии Грибоедова и Гоголя. Он первым показал московским зрителям в 1830 году Фамусова в «Горе от ума» и в 1836 году — городничего в «Ревизоре».

Эти пьесы навсегда остались в репертуаре Малого театра. Ярко и живо изображая выведенные Грибоедовым и Гоголем типы, театр раскрывал всю мерзость и гниль царской России: праздность и невежественность барства, тупое самодурство помещиков, низкопоклонство и взяточничество чиновников. Горячее негодование Щепкина в роли Чацкого передавалось каждому зрителю.

«ДОМ ОСТРОВСКОГО»

Царское правительство хорошо понимало, какую опасность для него представляют такие спектакли. Один из московских губернаторов писал министру, что он запретил играть не понравившуюся ему пьесу потому, что «книгу читает обыкновенно всякий про себя, а на зрелище собирается народ...»

Царские чиновники, управлявшие театром, запрещали ставить пьесы, в которых правдиво изображалась действительность. Когда в 1852 году великий русский драматург Александр Николаевич Островский написал свою первую комедию, «Свои люди — сочтёмся», она была запрещена. Тогда актёр Малого театра Пров Михайлович Садовский стал читать отдельные сцены из комедии в домах влиятельных людей и читал их так увлекательно и живо, что добился разрешения на постановку. Другую пьесу Островского, «Доходное место», запретили после первого спектакля и не разрешали играть целые шесть лет.

Но Садовский и лучшая часть актёров Малого театра, которых поддерживали профессора Московского университета писатели и критики, неустанно боролись за признание высокой художественной ценности произведений Островского и добивались их постановки на сцене Малого театра.

В 1853 году Малым театром в первый раз была показана пьеса Островского. Это была комедия «Не в свои сани не садись». Садовский исполнял в ней роль купца Рысакова. С тех пор театр ставил каждый год новые произведения великого драматурга. Зрители видели на сцене правдивое изображение жизни купцов, ремесленников, крестьян. Они видели, как задыхается и гибнет под властью жестоких родителей молодёжь в купеческих и мещанских семьях, как травят и преследуют бедных и честных людей взяточники - чиновники, каким «тёмным царством» произвола и насилия является царская Россия.

Сам Садовский играл во всех пьесах, написанных Островским. С огромным талантом и знанием жизни изображал он тупых и жадных купцов, злобных и важных чиновников, забитых и жалких приказчиков. Вместе с автором актёры Малого театра показывали зрителю купеческую, помещичью и чиновничью Россию такой, какой она была в те времена. Эти пьесы будили в зрителе возмущение «тёмным царством» и желание перестроить жизнь по-новому.

Москвичи стали называть Малый театр «до-

М. С. Щепкин исполняет роль Фамусова в комедии Грибоедова «Горе от ума».

П. М. Садовский в роли Любима Торцова в пьесе Островского «Бедность не порок».

Портрет М. Н. Ермоловой работы художника В. Серова.

мом Островского». Это почётное имя Малый театр сохранил до наших дней.

Постепенно Малый театр стал для молодёжи, съезжавшейся учиться в Москву со всех концов России, второй школой. На спектаклях Малого театра студенты видели все стороны жизни своего народа в таком ярком изображении, которое оставалось в их памяти навсегда. Театр учил молодёжь ненавидеть зло, насилие, жадность; он воспитывал в ней уважение к честности, стремление к справедливости, любовь к родине.

В конце прошлого века в Москве говорили: «Где вы получили образование?» «Ходил в гимназию и учился в Малом театре». Студенты называли Малый театр «вторым Московским университетом».

В это время труппу Малого театра украшала гениальная русская актриса Мария Николаевна Ермолова.

Больше ста лет идёт на сцене Малого театра комедия Гоголя «Ревизор». В наши дни тысячи советских ребят восхищаются игрой Игоря Ильинского (справа) в роли Хлестакова.

ПЕРВАЯ НАРОДНАЯ АРТИСТКА РЕСПУБЛИКИ

Ермолова была дочерью суфлёра Малого театра. Детство её прошло в бедности. Девочкой её отдали в балетное училище, но она мечтала стать драматической актрисой. Осуществить эту мечту ей помог случай. Внезапно заболела исполнительница главной роли в пьесе «Эмилия Галотти». Семнадцатилетней Ермоловой, которая давно уже выучила для себя эту роль, пришлось неожиданно заменить первую актрису театра. Талант Ермоловой так поразил зрителей, что впервые за всю историю Малого театра неопытную девушку, сыгравшую первую роль в своей жизни, вызывали без конца, как самых знаменитых актрис.

В течение пятидесяти лет Ермолова выступала на сцене Малого театра и была любимой актрисой молодёжи. В её гениальной игре оживали образы, созданные великими драматургами. Но особенно близка была Ермолова молодёжи тем, что каждое её выступление было призывом к подвигу, к отказу от личного счастья ради борьбы за правду.

В России назревало тогда революционное движение. Но театры, которыми управляли царские чиновники, конечно, не могли ставить пьес, говорящих о необходимости революции. И всё же каждый спектакль с участием Ермоловой, какую бы пьесу она ни играла, пробуждал в зрителе чувство протеста против существующего строя и звал к борьбе со старым, отживающим миром.

В истории русского театра навсегда остался памятным день 7 марта 1876 года. В этот день в Малом театре шла пьеса старинного испанского драматурга Лопе де Вега «Овечий источник», рисующая борьбу испанских крестьян с феодалами. Ермолова исполняла роль крестьянской девушки Лауренсии. В конце пьесы она с таким вдохновением и подъёмом призывала крестьян к восстанию против угнетателей, что весь зал поднялся с мест. С галлереи, где сидели студенты, послышались возгласы: «Долой самодержавие!» Спектакль превратился в революционную демонстрацию, и пьеса надолго была запрещена.

Судьба дала Ермоловой великое счастье увидеть Россию освобождённой. Народ, совершивший Великую Октябрьскую революцию, высоко оценил творческий труд актрисы. Почётное звание народной артистки Советской республики первой присуждено было Ермоловой.

НОВЫЙ ЗРИТЕЛЬ ПРИШЕЛ В ТЕАТР

Революция принесла Малому театру новую жизнь. В креслах зрительного зала появились зрители, с которыми раньше театр не встречался. Это были рабочие и крестьяне — новые хозяева страны. Артисты Малого театра с радостью несли своё мастерство народу-победителю. Только теперь могли они говорить со сцены полным голосом, не скрывая своих чувств. Никогда ещё не играли они с таким увлечением гениальные пьесы Гоголя, Грибоедова, Островского, Толстого. Они видели, как жадно воспринимает трудовой народ искусство, которого он был лишён до революции.

Зрительный зал Малого театра теперь не вмещал всех, кто хотел видеть спектакли. На грузовиках либо в крестьянских дровнях актёры ездили играть «Ревизора» и «Горе от ума» в рабочие клубы и в сельские школы.

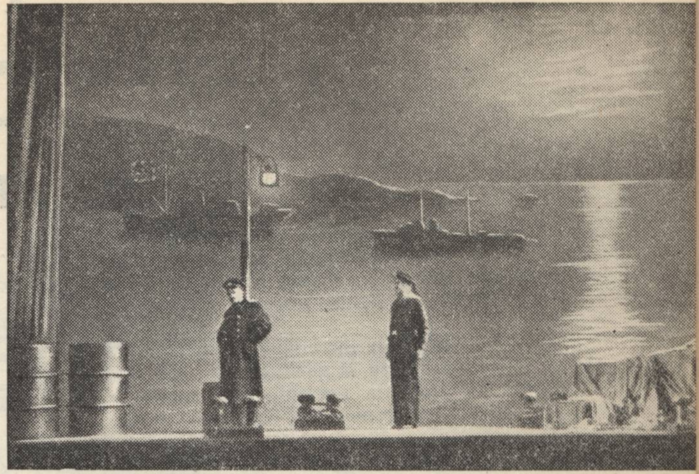
Старый театр словно помолодел. Давнишние, знакомые роли актёры стали играть по-новому, ещё острее, ещё убедительнее. В прежних словах появился новый смысл.

В 1926 году на сцене Малого театра была поставлена первая пьеса, рассказывающая о гражданской войне. Это была «Любовь Яровая» К. Тренёва. Впервые новые зрители театра увидели на сцене самих себя: рабочих, красногвардейцев, матросов, большевиков-комиссаров. Лучшие актёры театра с горячим волнением изображали новых героев, раскрывая зрителю благородство и самоотверженность людей, которые с оружием в руках боролись за победу революции. Этот спектакль получил высокую оценку товарища Сталина и навсегда остался одним из самых любимых зрителем спектаклей.

С «Любови Яровой» в жизни Малого театра началась новая эпоха. Попрежнему образцово играя лучшие классические пьесы, театр с каждым годом ставил всё больше пьес молодых советских драматургов. Театр уже не только рассказывал зрителю о прошлом. Он говорил о жизни советских людей, которые в борьбе с врагами, преодолевая все трудности, строят первое в мире социалистическое государство.

Театр сохранил то мастерство актёров, которым он всегда славился. Но теперь его спектакли стали захватывать зрителя ещё сильнее.

Верный своему славному прошлому, Малый театр и сегодня остаётся театром-воспитателем.

За последние годы сцена Малого театра обогатилась сложным оборудованием, позволяющим перенести зрителя то в цветущий колхозный сад, то на морской берег. Наверху — сцена из пьесы Б. Лавренёва «За тех, кто в море». Внизу — сцена из пьесы А. Корнейчука «В степях Украины».

На его спектаклях молодёжь знакомится с пьесами великих драматургов прежних эпох. Она видит живыми любимых героев и переживает те же чувства, которые переживали они в борьбе со старым миром. Она слышит чудесный и богатый русский язык, которым так замечательно владеют актёры этого театра.

Но больше всего волнуют зрителя новые спектакли Малого театра, посвящённые нашей сегодняшней жизни. На этих спектаклях, многие из которых отмечены высшей наградой — Сталинской премией,— советская молодёжь учится любить свою великую Родину и ненавидеть её врагов. Театр помогает партии большевиков воспитывать в молодёжи благородные черты строителей коммунистического общества, которое создаёт наш народ.

★

С. Маршак

Из Богдана Чалого

(с украинского)

Ручей

Под солнцем тает вешний лёд,
Длиннее стали дни,
Ручей на улице поёт:
— А ну-ка, догони!

Журчит он, льдинками звеня:
— Бегу я далеко.
Догнать попробуй-ка меня,
Приятель мой, Тимко́!

Пустился рысью Тимофей
За ручейком вослед:
— А ну, сворачивай, ручей!
Тебе здесь хода нет.

Бежишь ты под гору вперёд
И занял полпути.
Уже народ не может вброд
Дорогу перейти.

— А мне-то что!— шумит ручей.—
Не может — и пускай!
— Ребята!— крикнул Тимофей.—
Ручей перенимай!

Вся детвора из всех ворот
Бежит на этот клич.
Один совок в руке несёт,
Другой — дрючок, кирпич.

За дело двадцать рук взялось.
Загородили путь...
И наконец ручью пришлось
К оврагу повернуть.

Идут колхозники в поля.
Ещё весна кругом.
А уж не чавкает земля
У них под сапогом.

Под Новый год

Дед-Мороз идёт с подарком,
На бровях — сосульки льда.
Под луной мерцает ярко
Снеговая борода.

Как узор, сверкает иней
Вкруг его воротника.
А усы-то сини-сини
У Мороза-старика.

Он идёт по переулку,
Машет весело мешком,
По асфальту гулко-гулко
Ударяет посошком.

Через двор ведёт тропинка
Прямо к дому от ворот.

В этом дворике Маринка-
Первоклассница живёт.

Только дед звонок нашарил,-
Кто-то дружеской рукой
По плечу его ударил
И сказал:— Сашко́, постой!

Дед-Мороз глядит — не верит
Сивоус, седоволос,
Перед ним стоит у двери
В белой шубе дед-Мороз.

— Значит, нас с тобою двое!
Да нельзя ж идти вдвоём.
Отнеси от нас обоих
Два подарка в этот дом!..

Глядь, в придачу к двум
Морозам
По дорожке от ворот
Растянувшимся обозом
Целых шестеро идёт.

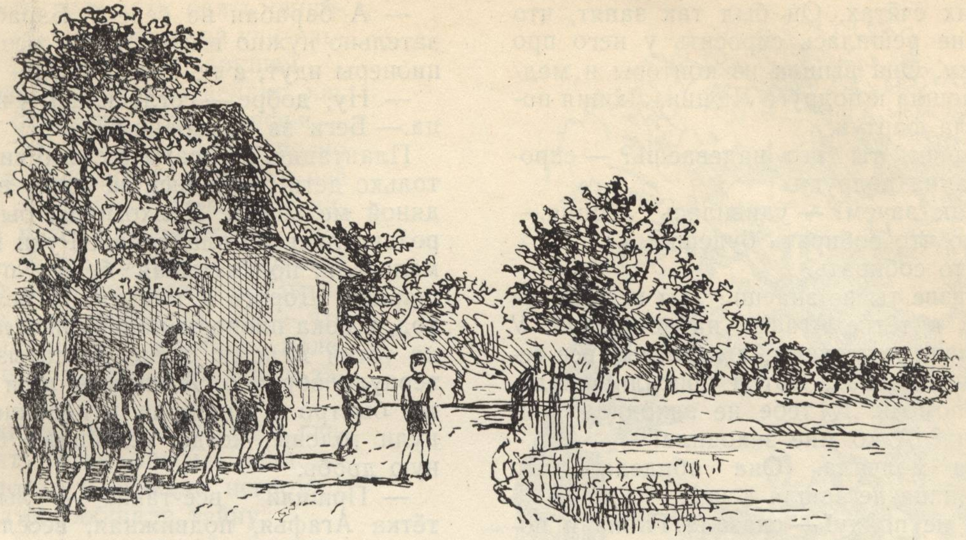
Все шагают по тропинке,
А подмышкой — узелки.
— Вы к Маринке!
— Да, к Маринке! —
Отвечают старики.

Это вышло не случайно:
В нашей школе, говорят,
Завелась под праздник тайна
В пятом классе у ребят.

Знали все: отец Маринки
Пал за честь родной земли.
И ребята с вечеринки
К ней без сговора пошли.

Отворяй-ка дверь, Марина!
В эту ночь под Новый год
Пионерская дружина
Поздравлять тебя идёт!

ПРАЗДНИК

Ирина Варламова

Рис. Л. Тараканова

Ганна проснулась. В хате было тихо. Только пчела звонко жужжала где-то у окна. И без того яркие лепестки герани пламенели, пронизанные солнечными лучами. Ганна села и взглянула на мамину койку. Постель была застелена пышно, по-праздничному. Перина взбита высоко, вровень с деревянными спинками, и белое расшитое покрывало лежит на кровати ровно-ровно, как скатерть на столе. А по стенам над открытками и фотографиями крест-накрест прибиты ветви цветущей липы. Вот отчего так хорошо пахнет в хате!.. Ну да! Вчера дедушка Илько наломал липы, но Ганна подумала, что это для чая... И пол мама мазала вчера.

«Какой-то праздник сегодня!» — решила Ганна.

Она встала и побежала на кухню умываться. Рядом с печью стояли полные вёдра, и в воде плавали большие капустные листья. Ганна умылась, вплела в косы красные ленточки и задумалась. «Какое надеть платье?» Вытащила из сундука широкую зелёную в красных цветах юбку и вышитую блузку, но, передумав, положила обратно и надела недавно сшитое мамой жёлтое платье из майи.

Потом она полезла в печь доставать себе еду и снова убедилась, что сегодня день не совсем обычный: кроме яичницы с салом, молока и круглого хлебца с поблескивающей даже в темноте печи коричневой коркой, на сковородке были оставлены для Ганны блинчики с вишнями. Ганна быстро поела и, заперев хату и спрятав ключ под ступеньку, побежала в контору колхоза.

Она надеялась застать там дедушку Илько. Он работал сторожем и рассыльным. Сторожевать он любил, считая это серьёзным, мужским делом, а вот обязанности рассыльного старался переложить на ребятишек, вечно крутившихся рядом с конторой.

— Славко, Левко! — кричал дедушка.

И мальчишки, теснясь и налетая друг на друга, мчались к нему.

— Бегите к Гашичке, зовите её скоренько в контору,— говорил дед, и ребята, оспаривая друг у друга право выполнить поручение, неслись по улице села.

А дедушка Илько возвращался в контору на своё излюбленное место на лавочке под плакатом, на котором был нарисован долгоносик и было написано, какой он страшный вредитель и как его надо беспощадно уничтожать. Дедушка снимал свою зелёную фетровую шляпу, надевал очки и принимался читать газету.

Но сегодня в конторе колхоза «Сталинский шлях» было пусто, и даже деда Илько не было на его обычном месте. Только Якубовский, колхозный счетовод, щёлкал

на своих счётах. Он был так занят, что Ганна не решилась спросить у него про дедушку. Она вышла из конторы и медленно пошла к подруге Люции. Люция повязывала фартук.

— Зачем ты его надеваешь? — спросила Ганна подругу.

— Как зачем? — удивилась Люция.— А ты во что собирать будешь?

— Что собирать?

— Разве ты не знаешь? Мы ж идём на участок к тётке Агафье на кок-сагыз. У неё семена поспевают, а взрослые все сегодня на жнивах. Вот и просили школьников помочь. К тебе не заходила учительница? А ко мне заходила!

Ганна молчала. Она обиделась, что учительница не зашла к ней.

— Я не пойду! — сказала Ганна и покраснела.— Сегодня праздник, и я не пойду работать...

— Какой сегодня праздник? — удивилась Люция.

— Не знаю, какой, только праздник! — убеждённо повторила Ганна.

Она вспомнила, какое лицо было вчера у мамы, когда она мазала пол. Мама улыбалась серьёзной, немного торжественной улыбкой...

— Ну, чего же вы стоите? По целому часу ждёшь каждого, ждёшь!..— в дверях стоял Павло, председатель совета отряда. На нём были одни трусы, но на шее, как всегда аккуратно повязанный, алел пионерский галстук.

— Сейчас. Павло, подожди! Галстук только надену! А ты хочешь, Ганна, я дам тебе фартук?

Ганна обрадовалась и сказала:

— Давай!

Она боялась теперь, что без фартука её могут не взять в поле.

— Всегда так! — ворчал дорогой Павло. — Возятся, возятся. Всё звено тётки Агафьи давно в поле, а мы собираемся, собираемся!..

У школы выстроились пионеры. Девочки были в фартуках, мальчики повесили на шеи торбочки, кое-кто обвязал вокруг пояса полотенца. Ганна с Люцией, взявшись за руки, встали сзади. Павло побежал к учительнице.

— А барабан не берём? Барабан обязательно нужно взять! Чтобы все видели: пионеры идут, а не кто-нибудь!

— Ну, добре,— согласилась учительница.— Беги за барабаном.

Плантацию кок-сагыза стало видно, как только дети поднялись на кручу возле водяной мельницы. Колхозницы быстро передвигались по плантации. Руки их так и мелькали, подхватывая белые пушистые шарики. Дорога к плантации вела в обход, и пока пионеры добирались до участка тётки Агафьи, звено коксагызниц повернуло обратно. Женщины шли всё так же быстро и лишь на мгновение повернули головы, когда услышали барабанную дробь.

— Пришли всё-таки? — улыбнулась тётка Агафья, подвижная, весёлая женщина.— Правильно! Дуже правильно! Надо помогать колхозу...— и вдруг, обращаясь к мальчикам, строго сказала:— Смотрите! Примнёте мне хоть одно гнездо — всех по домам отправлю!

Однако добродушное лицо тётки Агафьи не могло долго оставаться сердитым. Оно заиграло ямочками на щеках, какими-то милыми припухлостями над бровями, на подбородке, серые добрые глаза её прищурились лукаво, и она сказала то, чего пионеры менее всего ожидали услышать:

— Сидайте!

Ребята нерешительно сели на траву.

— Знаете вы, что такое кок-сагыз? — спросила тётка Агафья.

— Это каучуконос! — быстро ответил Павло, который всегда всё знал.

— Так... А откуда добывают цей каучук?

— Из семян... Их трут, и получается вроде масла...— попробовал пофантазировать маленький белоголовый Микола.

Учительница только руками всплеснула. Но тётка Агафья словно даже обрадовалась ошибке Миколы.

— Нет! — важно сказала она.— Каучук добывают из корней. А кто знает, для чего цей каучук?

— Для калош...— осторожно предположил Микола.

Он испугался, что опять ошибся, и, быстро взглянув на учительницу, спрятался за товарищей.

— Так! Из каучука делают калоши,— ответила тётка Агафья.— А ещё что? — она победоносно оглядела рассевшихся вокруг неё ребят и, торопясь, чтобы кто-нибудь из них не опередил её, сказала: — А то, во что автомобили обувают, из чего делается? Вы не думайте,— продолжала она,— что вы пришли на обычное поле. Вы пришли на автомобильный завод!

И, увидев, как заблестели глаза ребят, тётка Агафья наклонилась вперёд и сказала негромко, так, будто сообщала тайну:

— Я читала в одной книжке... Ничего нельзя зробить без этого кок-сагыза: ни автомобилей, ни самолётов, ни кораблей... Вот оно что такое, эти жёлтые цветики! Так что уж, будьте ласковы, не топчите их, ходите осторожно и семян не упускайте...

— Есть! — вскочив, ответил за всех Павло и отдал тётке Агафье пионерский салют.

И вот Ганна, склонившись, идёт по полю в шеренге ребят, рядом со своей подругой Люцией. Много жёлтых цветов, миллионы цветов на поле! Тот — ещё бутон, тот цветёт во-всю, тот побелел, дозревает, а вот зыбкий, лёгкий пушок — его-то и надо собирать.

У Ганны рябит в глазах. Стараясь не отставать от других, она торопится, суетится, пропускает белые шарики, возвращается. Иногда она обрывает не только пушок, но и головку цветка и половину стебля. Искоса следит Ганна за проворными смуглыми руками Люции. Люция не обрывает головок, а кончиками пальцев ловко и бережно снимает, как бы сощипывает с головок пушок. А Иванна Проц идёт впереди всех школьников, и фартук её уже почти полон.

«У меня будет меньше всех!» — с отчаянием думает Ганна.

Ребята шестой раз поворачивают обратно. У Ганны начинает болеть спина. Иногда ей кажется, что это не кустики кок-сагыза, а зелёные автомобили... Ребята сначала пели и переговаривались, теперь все двигаются молча.

— Знаете вы, что такое кок-сагыз? — спросила тётка Агафья.

Но вот тётка Агафья остановилась и, подняв руки, крикнула сильным голосом:

— Обед!

Как ни устала Ганна, ей это показалось неожиданным. Ганна как раз вошла во вкус работы и научилась не обрывать головок и стебельков. Поэтому она совершенно искренне закричала вместе с другими:

— Мы не пойдём обедать!

Но тётка Агафья вдруг рассердилась:

— Да вы хоть и вовсе не ешьте, мне всё равно! А только в село марш и без разговоров, бо семена нельзя долго держать в торбах: они согреются и потеряют всхожесть!

Этот довод подействовал. Ребята выстроились и парами двинулись в село. Всем было весело оттого, что и колхозницы, смеясь, выстроились по-двое позади них. Павло несколько раз оглядывался:

— В ногу идите, в ногу!.. Ровнее! Тётка Агафья, посмотрите хоть вы, чтобы ровно шли, мне ведь уже нельзя будет оборачиваться!..

К сожалению, в селе их никто не увидел, кроме нескольких малышей, которые выбежали из садиков, заслышав издали барабан, да Якубовский, колхозный счетовод, выглянул из окна конторы, но лицо его не выражало ни любопытства, ни удивления, так что он не в счёт. Зато подлинное удовольствие испытали ребята, когда их вышел встречать старый колхозный кладовщик. Он вытянул руки по швам и высоко вскинул голову. Сразу видно, что человек служил в армии!

— Дедусь, а сколько у меня? — кричали, окружив его, ребята.

— У тебя, Павло, килограмм сырца... Чистых семян — граммов 150—180... У Люции совсем добре — граммов 200 семян, не меньше! И у Иванны столько же!

— А у меня? — робко спросила Ганна.

Оказалось, что и у Ганны чистых семян будет не меньше 150 граммов.

— А вы знаете, какие они дорогие, эти семена? — спросил он.— Здесь,— он указал рукой на мешки с семенами кок-сагыза,—здесь десятки тысяч рублей. Вот какой доход принесло звено Агафьи Мельничук нашему колхозу.

«Хоть бы скорее уже пообедать и опять пойти на плантацию!» — подумала Ганна.

До позднего вечера работали на поле пионеры. Уже солнце спустилось совсем низко, и пушок кок-сагыза казался розовым, когда тётка Агафья спросила:

— Ну как, ребята, пойдём домой?

— Нет! Мы ещё немного поработаем...— попросили ребята.

Было уже совсем поздно, когда мама, дедушка Илько и Ганна уселись за стол ужинать. Дедушка рассказывал о том, как Нина Щураба не успевала подавать ему снопы:

— Я ей говорю: «Не задерживай меня, видишь, я простаиваю?» А она говорит: «Вы, Илько Илькович, как машина». Это я, как машина, слышите, Магда, Ганно?.. А ведь я маю 68 рокив! — и дедушка улыбался, довольный.

«Устал, — подумала Ганна. — А как рад!»

У мамы было тоже возбуждённое, счастливое лицо. На смуглых щеках с редкими светлыми рябинками играл румянец.

— Мы сегодня тройками вязали снопы. Агроном посоветовал, — сказала мама.— Дуже добре получается! В прошлом году я больше пятисот снопов не вывязывала. А сегодня мы с Франкой Бейхар да с Леонтиной Кòбель две тысячи двести связали.

— А нам, мамо, тётка Агафья сегодня рассказывала, чтò из кок-сагыза делают,— сказала Ганна.— Мы в школе учили про каучуконосы, да я забыла.

— Да и кто слышал в Польше про этот кок-сагыз? — сказал дед Илько.— Я его и сам только в этом году побачил. И Агафья. Она, бывало, только и сеяла на своих двух моргах в единоличном хозяйстве рожь да ячмень. А пшеницу, или просо, или кукурузу боялась: вдруг не уродит? А теперь вот не побоялась. Верит советской власти. Сказали ей агрономы: выйдет толк! И сразу пошла на кок-сагыз.

— Да! В колхозе теперь все стали смелые,— серьёзно сказала мама.

«Вот к какому празднику готовилась мама — к жнивам!» — догадалась Ганна.

Да и для Ганны этот день неожиданно стал большим, светлым праздником. Ганна ещё не могла как следует разобраться, почему это ей так необычно хорошо сегодня. Работала на поле? Научилась ловко собирать пушочки? Так ведь ей не в первый раз приходится работать на поле. Сколько раз, бывало, помогала она маме на огороде: то картошку садить, то поливать капусту или помидоры. Да и учиться новому часто приходилось. Вот хоть в прошлое воскресенье мама учила Ганну вязать кружево. Было очень приятно научиться этому. Но можно ли сравнить такую радость с тем сильным ощущением счастья, которое наполняет её сегодня? Нет!

Хорошо на душе! Ганне представились тысячи маленьких автомобилей с жёлтыми фарами... Вот почему сегодня такой радостный день: Ганна вместе со всеми колхозниками помогла Родине строить автомобили, строить новую жизнь!

Колхоз «Сталинский путь»,
Струсовского района,
Тернопольской области.

Для своей школы

Что тоньше: листок папиросной бумаги или человеческий волос? Что тяжелее: трёхкопеечная монета или обыкновенный карандаш? Что горячее: расплавленное олово или кипящее масло?

Самый опытный наблюдатель не сумеет ответить на эти простые вопросы, пока не вооружится приборами для сравнения толщины, веса и температуры. А ведь тысячи вопросов, гораздо более сложных, каждую минуту встают перед рабочим в цеху, перед инженером в конструкторском бюро, перед учёным в лаборатории.

И каждый раз, когда встаёт такой вопрос, человек обращается за помощью к приборам. Одни из этих приборов позволяют производить точные сравнения, другие — помогают заглянуть в области, недоступные невооружённому глазу, третьи — дают возможность воспроизводить и наблюдать природные явления в лаборатории.

Вы пока не инженеры и не учёные, но многим из вас в этом году придётся изучать окружающие нас вещи и законы, управляющие их движением. Раскрыв учебники физики, вы с первых же страниц встретитесь с фактами, которые невозможно осмыслить, не проделав тот или иной опыт. А для проведения опыта вам снова понадобятся приборы.

Некоторые из этих приборов (часы, например) настолько сложные, что сделать их может только высококвалифицированный мастер, вооружённый точными инструментами и станками. Другие (например, маятник) настолько просты, что любой пионер может сделать их своими руками из материалов, которые всегда найдутся в хозяйстве юного техника. А между тем именно маятник и есть тот прибор, который позволил человеку впервые точно измерить время, доказать вращение земли и сделать целый ряд важных открытий.

Если в вашей школе мало приборов, то вы всегда можете пополнить свой физический кабинет десятками простых и очень нужных приборов, без которых невозможно настоящее, серьёзное изучение физики. Это — хорошее пионерское дело, которое могут осуществить все пионеры. Взгляните на последнюю страницу обложки журнала. Эти приборы сделали и отремонтировали учащиеся 273-й московской школы.

Тут вы увидите длинный желобок (рис. 2), сколоченный из деревянных реек, по которому катится шарик от подшипника. Простой прибор. И сделать его нехитро. Но когда придёт время изучать законы движения, без этого прибора вам не обойтись. А много лет спустя, будете ли вы управлять сверхскоростным самолётом, изучать атомное ядро или водить простой грузовик, вам не раз придётся вспоминать формулу равномерно ускоренного движения, а заодно и этот простенький желобок и шарик, который вы катали в физическом кабинете, наблюдая с часами в руках, какие отрезки пути пройдёт он в единицу времени.

А внизу телеграфный аппарат (рис. 6). Это тоже простой прибор. Несколько листков фанеры, кусочки жести, обрезок резиновой трубки да моточек изолированной проволоки — вот и весь материал, который понадобится для его изготовления. А ведь как интересно самому построить такой аппарат, а потом, положив руку на ключ, «отстукать» любую телеграмму товарищу! А после, где-нибудь на далёкой полярной зимовке или на борту стратоплана, принимая на слух важное сообщение с Большой Земли, разве не приятно будет вспомнить этот прибор, похожий на игрушку, рассказавший вам об одном из тысячи применений электромагнита?

Прибор, собранный ребятами из стеклянных трубок, резиновых патрубков и тройников (рис. 1), пригодится, когда придёт время изучать гидродинамику.

Все эти приборы: и весы (рис. 3), и простейший трансформатор (рис. 5), и паровой котёл (рис. 4), заново восстановленный ребятами, — это их вклад в хозяйство родной школы. Труд небольшой,—а какая огромная помощь школе! И уж будьте уверены: те ребята, которые принимали участие в устройстве и ремонте этих приборов, никогда не получат тройки по физике.

наша ПОЧТА

Два письма из Чехословакии

За лесистыми Карпатами, в центре Европы, там, где текут полноводная Морава и тихая, медлительная красавица Влтава, живёт, трудится и по примеру Советского Союза строит новую жизнь свободолюбивый чехословацкий народ.

Весной 1945 года советские воины-освободители кровью своей скрепили навеки нерушимую дружбу народов Чехословакии и Советского Союза. И теперь, став на путь строительства социализма, Чехословакия быстро залечивает нанесённые войной раны, перестраивает и расширяет свою промышленность и сельское хозяйство.

Об этой новой жизни рассказывают письма чехословацких школьников, которые здесь напечатаны. Пионеры 42-й ташкентской школы уже давно переписываются с учащимися маленького чешского городка Градиште. Здесь мы печатаем письма, присланные Мане Ахмедовой её чехословацкими друзьями — Надей Чейковой и Ярославом Лесковым.

Дорогая моя Маня!

Сегодня у меня большая радость: я получила письмо от тебя — далёкой узбекской подруги. Большое тебе спасибо за содержательное описание жизни пионеров вашей дружины. Неделю тому назад я посмотрела вместе со всеми учениками и ученицами нашей школы интересный русский кинофильм «Красный галстук». У нас его назвали «Будь готов!». Из фильма я тоже много узнала о советских пионерах. Можешь ли мне написать, Манечка, кто из ваших пионеров отдыхал в «Артеке»? Если есть такие, то напиши и пришли мне, пожалуйста, посмотреть несколько фотографий «Артека», я их обязательно пришлю назад.

Вот как выглядит наш городок Градиште.

Теперь я хочу ответить на твои вопросы. Наш край называют огородом Чехословакии. Здесь, по течению реки Моравы, растёт картофель, сахарная свёкла, кукуруза, пшеница, рожь и ячмень. Южнее нашего города, около деревень Полешовице, Мутенице и Бзенец, хорошие урожаи винограда. А вот фруктов здесь мало.

Мы живём в доме, который принадлежит не частному хозяину, а городу. Рядом с

нашим двором огромный парк. Там растут красивые берёзы, ёлки и липы, цветут цветы. Я люблю слушать пение птиц в этом парке. Весной у нас птицы очень красиво поют.

Маня, ты пишешь о парадах в день 1 Мая и хочешь узнать, как празднуют этот день у нас. У нас тоже бывают парады и все жители городов и деревень ходят по улицам с флагами и плакатами. В этом году все организации вышли на демонстрацию с духовыми оркестрами и нарядно одетые. Я в этот раз ходила на парад как член СЧМ — Союза чешской молодёжи. Я недавно туда вступила.

Манечка, пришли мне, если можешь, комсомольский или пионерский значок. Я буду очень рада. А я тебе пришлю новый значок СЧМ. Согласна?

Извини, что я уже кончаю: мне нужно готовить уроки. Привет маме, бабушке и Тимуру и поцелуй тебе, дорогая!

Твоя чешская подруга Надя

Здравствуй, Маня!

Как я тебе уже писал, я учусь в шестом классе реальной гимназии. После окончания гимназии я поеду учиться в Прагу или в Брно, в университет. Я хочу быть преподавателем русского и английского языков. В школе, кроме чешского, я учу ещё русский, английский и латинский. А какие языки знаешь или учишь ты? Ещё я играю на рояле и занимаюсь спортом. Наш класс самый спортивный в школе. Мы чемпионы гимназии по хоккею и футболу. Многие из нас занимаются в разных кружках: в кружке химии, русского или английского языка, математики, естествознания...

Я состою в Союзе чешской молодежи, который работает под руководством коммунистической партии. Самые любимые мои книги исторические. Я и русские книги читал: «Войну и мир», «Анну Каренину» Л. Н. Толстого, разные рассказы А. П. Чехова, «Записки из мёртвого дома» Достоевского, «Капитанскую дочку» и «Руслана и Людмилу» Пушкина. Кроме того я читаю русскую газету «Советский спорт».

У нас печатается много русских книг и часто идут советские фильмы. По-моему, самые красивые фильмы, которые шли у нас, — это «Песня тайги» и «Каменный цветок». Напиши, читала ли ты уже в переводах книги чешских писателей? Как они тебе понравились? Слушаешь ли ты по радио или в театре классическую музыку? Каким спортом занимаешься? Все ученики нашей школы работают в добровольных бригадах. Например, сейчас мы на городской площади строим городок для игр. Как член СЧМ, я должен отработать пятьдесят часов, и как футболист — сорок часов. Я уже почти все отработал. Напиши мне побольше о своём городе, о школе, о себе.

Такие народные костюмы надевают в наших деревнях по большим праздникам.

Жду ответа.

Твой чехословацкий друг Яра.

Дуся Юпатова — воспитанница киевского детского дома № 13.

Мы не хотим войны

Уже давно я живу в детском доме, но до сих пор хорошо помню, как в 1941 году в наше село Букатино, в Белоруссии, ворвались фашисты. Мне тогда было шесть лет. Мой папа работал председателем колхоза, а как только фашисты заняли село, ушёл в партизаны. Меня и моего старшего брата Савку мама увела в лес. Иногда ночью мы украдкой возвращались домой. Но вскоре фашисты выследили нас. Однажды к нашему дому подъехал грузовик. Мы догадались, что это облава, но убегать было поздно. Солдаты в зелёных мундирах потащили нас в машину. Там уже сидели под охраной наши соседи Кондратенко: два мальчика, Лёня и Петя, и их мама.

Нас повезли в Германию. В плену, в лагере «Аушвиц», нас разлучили с мамой, и мы навсегда остались одни.

Очень страшно жить в фашистских лагерях-тюрьмах. Я и теперь не могу забыть жестокого конвоира с белым черепом на рукаве зелёной шинели. Он был похож на смерть. Он всюду сопровождал нас.

Ещё я не могу забыть того, как в немецком плену всем нам выжгли на руках номера. Я кричала, вырывалась, но меня крепко держали и тоже выжгли клеймо № 66125.

Многие ребята умерли от холода и голодовки, а многие от того, что их сделали донорами и целыми стаканами выкачивали из них кровь. Я тоже была донором. Нашу кровь фашистские врачи переливали своим раненым офицерам.

Очень тяжело нам было, но мы дождались светлых дней. Наша Советская Армия освободила нас. Это было 19 февраля 1945 года. Мы услышали, что приближается стрельба. Изверги-фашисты очень перепугались. Начальнику нашего лагеря приказали согнать нас в один дом, запереть и сжечь живыми. Ему для этого даже бензин дали. Но он испугался, что вдруг его поймают советские солдаты, и решил сжечь только дом. Нас же, полторы тысячи ребят, он приказал согнать в овраг и заставил там лежать под охраной солдат, а сам сбежал. Мы лежали на снегу целую ночь. Утром вдали показались советские танки. И хотя на другой стороне оврага были фашисты и стреляли по советским

танкам и по нас, мы побежали к нашим. Советские бойцы кричали, чтобы мы легли, а то нас убьют, а мы всё бежали.

Как мы были рады! Мы рассказали нашим бойцам, как над нами издевались в плену, и танкисты сразу сели на танки и поехали догонять начальника лагеря и других таких, как он.

Весной, когда стали распускаться на деревьях почки, нас привезли в Киев. Это было в канун 1 Мая. Мне, как и большинству ребят, не пришлось в этот день выйти на улицу: мы были так больны, что могли только смотреть из окон. По улицам шли демонстранты, они пели песни, играли оркестры. К нашим окнам подходили люди и разговаривали с нами. Особенно приятно было нам разговаривать с военными.

А потом на целое лето всех нас повезли в Крым, на курорт. Теперь я здорова. Но ужасы войны остались на всю жизнь в моей памяти. И все ребята, оставшиеся, как я, без родителей, ненавидят тех, кто затевает новую войну. Мы не хотим войны. Она не должна повториться!

Дуся Юпатова,
воспитанница 13-го детского дома, город Киев.

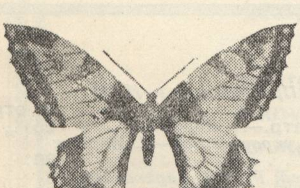

Махаон на севере

На Енисее, около Усть-Порта, где сейчас мы живём, очень короткое лето. Здесь, кроме множества комаров, почти совсем нет насекомых. А под Москвой, где мы жили прошлое лето, я видела много бабочек. Меня заинтересовало тогда: как из гусеницы, похожей на червя, получается красавица-бабочка? Мне захотелось проследить, как это происходит.

В огороде на морковной ботве я увидела большую с чёрными, красными и зелёными полосками гусеницу. Я сорвала ботву с гусеницей и принесла домой. Оказалось, что это гусеница махаона, одной из самых красивых бабочек, и что она питается морковной ботвой. Я посадила гусеницу в большую коробку, в крышке которой проколола дырочки, чтобы она не задохнулась, и нарвала ей ботвы. Через день моя гусеница залезла на крышку коробочки и выпустила паутину. А ещё через несколько дней она из ярко раскрашенного червячка превратилась в золотисто-серую куколку, обмотавшись паутиной.

Из куколки должна была весной вывестись бабочка. И когда нам пришлось ехать на север, я взяла куколку с собой. Я вырезала кусочек крышки, где прикрепилась гусеница, положила её в маленькую коробочку с дырочками и повезла.

Это верин махаон. Она нарисовала его с натуры.

На новом месте коробка стояла на полке в тёплом углу. И вот в январе, когда на улице трещали сорокаградусные морозы, проснувшись однажды, мы увидели на полу махаона. Оказывается, бабочка развивается не только весной, но и зимой, если в комнате тепло.

Конечно, зимой долго махаон жить не мог, и скоро он занял почётное место в моей большой коллекции.

Вера Дашевская,
ученица 4-го класса, Красноярский край, Усть-Порт, Малая Хета, экспедиция.

В школу

Ветер гонит облака,
Шелестит листвой.
Грач прощальное «пока»
Шлёт земле сырой.

Я иду сегодня в класс,
И, как грач лесной,
Я прощаюсь в сотый раз
С летом и рекой:

— До свидания, река!
Через год опять
На твоих я берегах
Буду загорать!

В класс иду сегодня я,
Но теперь — в седьмой!
Вновь встречаются друзья
С классною доской.

Этот год дорогу в жизнь
Открывает нам.
А дорога широка —
Выбираешь сам.

Виктор Гоффеншефер,
ученик 25-й средней школы, город Житомир.

В МИРЕ КНИГ

Повесть о подлинной жизни

Бывают повести, где события развёртываются перед вами, как на экране кино, быстро и стремительно.

Бывают повести, где внешних событий мало, а перед вами кусок жизни, подлинной и настоящей.

В повести П. Павленко «Степное солнце» нет особенных приключений. Где-то на юге бригада шофёров едет из города в степь на уборочную. У бригадира Емельянова умерла недавно жена, и он берёт с собой десятилетнего сына Серёжу. То, что видел и делал Серёжа в своих странствиях по степи, и есть содержание повести.

Это не «приключения», которыми полны книги для детей. Это кусок жизни, суровой и простой. И читатель видит эту жизнь изнутри, не со стороны, он сам вместе с Серёжей становится участником этой жизни.

И герой этой книги — самый обыкновенный мальчик с самой обыкновенной биографией. Да, по правде сказать, и биография его вся ещё впереди. Но время-то необыкновенное, отношения людей необыкновенные, и повесть Павленко об обычных событиях с обычным героем становится свидетельством нашей необычной, красочной и насыщенной жизни.

Над многим задумаешься, читая эту повесть.

Что, например, заставляет Серёжу работать? Ведь он просто приехал с отцом в незнакомую, «чужую» деревню. Он скорее поехал отдыхать, чем работать. Однако на первой же стоянке машины он караулит свою колонну, ищет воды для шофёров.

«Заснули,— недовольно подумал Сергей,— а за машинами теперь я наблюдай, самый маленький, будто я сам не хочу спать, я, может быть, ещё больше хочу, чем они...»

Что заставило мальчика, как часового, встать на охрану машин, хотя никто не просил его их охранять? Что заставляет его вместе с деревенскими пионерами собирать колоски?

Как это получается, что куда бы ни приехал Серёжа, везде он становится участником общего дела, везде ему находится работа, хоть маленькая, но всегда настоящая и всегда ответственная?

Разве он обязан работать, разве кто-нибудь ему платит за неё?

Всеобщая атмосфера труда, всенародный энтузиазм заражает Серёжу, делает его участником всеобщего труда. Он не может не работать, потому что все работают. Он отделился бы от других людей, если бы сидел сложа руки, бездельничал. Его никто не осудил бы, вероятно, но ему самому стало бы скучно и одиноко.

Попади десятилетний мальчик в сказочную страну лентяев, может быть, он и сам стал бы лентяем. Но Серёжа попал в страну социалистического труда, где труд — не повинность, а радость.

И отношения людей в этой стране новые. Деревня может оказаться незнакомой, но она не чужая, а своя, родная, и люди в ней свои и близкие.

Лаской, заботой и вниманием окружили они Серёжу. Он живёт в мире доброты, доброжелательности, в мире уважения к ребёнку.

Путешествуя вместе с Серёжей, мы видим новую деревню, очень похожую на город, мы видим всюду машины и людей, которые управляют этими машинами, мы видим новых хозяев земли, братский союз города и деревни.

Мы видим, как расширился мир Серёжи, и заметили, как расширилось наше собственное понятие о мире. Мы оставляем нашего нового друга вернувшимся в город, и мы спокойны за его будущее. Мы знаем, что из Серёжи вырастет добрый и хороший советский человек. Иным он не может вырасти в этой атмосфере труда и социалистического отношения друг к другу.

И. Халтурин

СОДЕРЖАНИЕ

На обложке: картина Л. Шаталовой „Юные кораблестроители в Доме пионеров".

Адрес редакции: Москва, улица «Правды», 24, комната 566, тел. Д 3-30-73.

Подписано к печати 4/X — 49 г. Изд. № 774. 82×110. 1/16 бум. листа.

А — 09564. 76 999 печ. зн. в печ. листе. 5 печ. л. Тираж — 58.000. Заказ № 2289.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Ребята!

Многие из вас, наверно, болели гриппом. Некоторые даже считают, что это болезнь несерьёзная. На самом же деле это не так. Из-за гриппа школьники пропускают много уроков. К тому же грипп иногда осложняется воспалением лёгких, воспалением среднего уха и другими тяжёлыми болезнями.

Как же уберечься от гриппа?

Вы, вероятно, заметили, что не все ребята одинаково подвержены заболеванию гриппом. Есть такие дети, которые им не болеют. Это так называемые «закалённые» ребята.

Чтобы закалить свой организм, приучайте себя спать при открытой форточке, по утрам делайте гимнастику, обтирайтесь холодной водой, не кутайтесь, занимайтесь спортом. Летом, когда тепло, ходите босиком и в трусиках, принимайте солнечные ванны, купайтесь. Посоветуйтесь со школьным врачом, и он расскажет вам, как закаливать свой организм.

Грипп—болезнь заразная,

она передаётся через воздух при кашле, чихании, даже при разговоре, через мельчайшие брызги слюны. Болезнь могут передавать немытые руки больного, посуда, которой он пользовался, его носовые платки, полотенца и другие предметы.

Во время вспышки гриппа не ходите в кино, в театры, во все места, где собирается много людей, потому что среди них всегда могут быть больные.

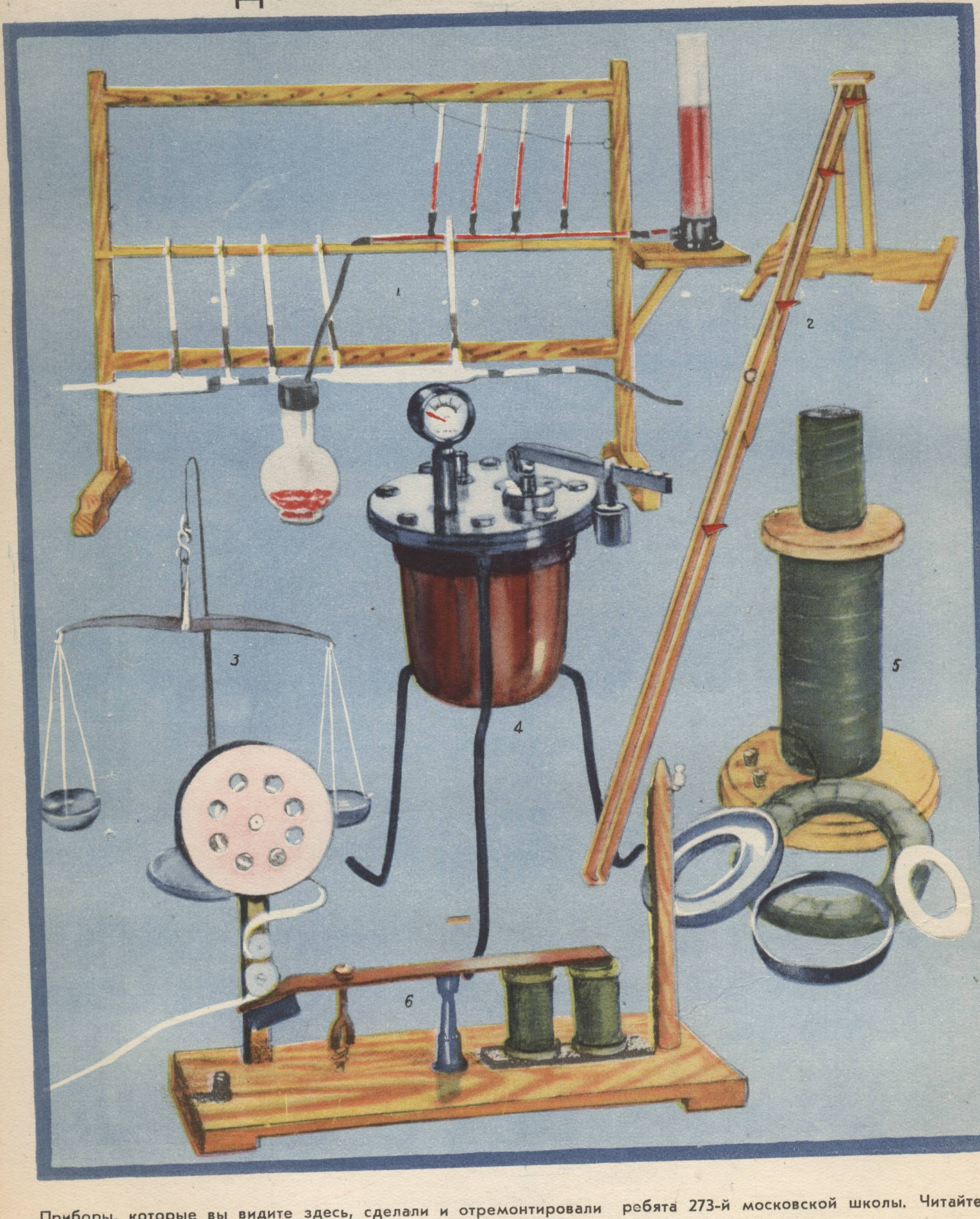
При кашле и чихании отворачивайтесь от соседа и прикрывайте рот и нос носовым платком. Оберегайте от заражения окружающих, особенно маленьких детей, для которых грипп очень опасен.

Если у вас повышена температура, ложитесь в постель и просите вызвать к вам врача. Выполняйте все его указания.

Центральный институт
санитарного просвещения
Министерства здравоохранения СССР

Цена 2 р. 50 к.

ДЛЯ СВОЕЙ ШКОЛЫ

Приборы, которые вы видите здесь, сделали и отремонтировали ребята 273-й московской школы. Читайте об этом на странице 35.